

Курт Воннегут

Kurt Vonnegut, Jr.

Галапагосы
Синяя Борода

Библиотека классики (АСТ)

Курт Воннегут

Галапагосы. Синяя Борода

«Издательство АСТ»

1985, 1987

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Воннегут К.

Галапагосы. Синяя Борода / К. Воннегут — «Издательство АСТ»,
1985, 1987 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-153715-9

Курт Воннегут – культовая фигура в литературе двадцатого века. Американский писатель, сатирик, журналист и художник, перед глазами которого прошел чуть ли не весь двадцатый. Автор знаменитых на весь мир романов «Колыбель для кошки» и «Бойня номер пять». ГАЛАПАГОСЫ Небольшой островок Галапагосского архипелага стал пристанищем для людей, чудом уцелевших после всемирной катастрофы. Выжили лишь немногие – и как назло, не самые лучшие представители человечества... СИНЯЯ БОРОДА Один из самых причудливых и загадочных романов Курта Воннегута, в котором он обыгрывает не только «мифологию искусства» XX века, но и архетипы «военной прозы», и мотивы древнегреческой мифологии. Автобиография вымышленного художника Рабо Карабекяна, карьера которого потерпела крах из-за некачественной краски, и история таинственной Цирцеи Берман, пытающейся изменить не только его жизнь, но и взгляды на искусство и свое место в нем, служат лишь обрамлением для притчи, по-новому трактующей известный сюжет творца, его Музы и поисков Вдохновения.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-153715-9

© Воннегут К., 1985, 1987

© Издательство АСТ, 1985, 1987

Содержание

Галапагосы	7
Книга первая. Так было	8
1	8
2	9
3	10
4	13
5	15
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	25
12	28
13	30
14	33
15	36
16	39
17	43
18	46
19	49
20	51
21	52
22	56
23	58
24	60
25	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Курт Воннегут Галапагосы. Синяя Борода

Kurt Vonnegut
Galapagos
Bluebeard

© Kurt Vonnegut, Jr, 1985, 1987
Copyright renewed © 2004 by Kurt Vonnegut, Jr.
© Перевод. Ю. Здоровов, 2017
© Перевод. Л. Дубинская, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Галапагосы

Несмотря ни на что, я все-таки верю, что люди в глубине души действительно добры.

Анна Франк (1929–1944)

Посвящается памяти Хиллиса Л. Хоуи (1903–1982), натуралиста-любителя – хорошего человека, который вывез меня, моего лучшего друга Бена Хитца и еще нескольких ребят на американский Дикий Запад из Индианаполиса, штат Индиана, летом 1938 года.

Мистер Хоуи познакомил нас с настоящими индейцами, заставлял нас каждую ночь спать под открытым небом и зарывать в землю свой навоз, и учил нас ездить на лошадях, и поведал нам названия множества растений и животных, и рассказал о том, что им приходится делать для сохранения жизни и размножения.

Как-то ночью мистер Хоуи напугал нас до полусмерти – намеренно, воя, как дикий кот, близ нашего лагеря.

И настоящий дикий кот откликнулся ему.

Книга первая. Так было

1

Было так.

Миллион лет тому назад, в 1986 году нашей эры, Гуаякиль являлся главным морским портом небольшой южноамериканской республики Эквадор, столица которой, Кито, располагалась высоко в Андах. Гуаякиль лежал на два градуса южнее экватора – воображаемого пояса планеты, давшего название самой стране. Царила там неизменная жара, да и влажность, так как город построен был в безветренной экваториальной зоне, на пружинящем болоте, которое образовывали, сливаясь, несколько сбегавших с гор рек.

Открытое море начиналось в нескольких километрах от этого морского порта. Нередко месиво водорослей заполняло воды дельты, делая их студенистыми, облепляя сваи причалов и якорные цепи.

В те времена мозг у людей был значительно больших размеров, чем сегодня, и потому его могли занимать разного рода загадки. В 1986 году они, например, не могли разгадать, как множество тварей, не способных вплавь покрывать большие расстояния, сумело достичь Галапагосских островов – архипелага вулканических скал к западу от Гуаякиля, который был отделен от материка тысячекилометровой полосой глубокой, холоднейшей воды, прямоком из Антарктики. К моменту открытия этих островов людьми там уже обитали гекко и игуаны, рисовые крысы и лавовые ящерицы, пауки и муравьи, жуки и кузнечики, клещи и иные паразиты, не говоря уже о гигантских сухопутных черепахах.

Каким образом все они туда добрались?

Чересчур крупный мозг многих людей той поры довольствовался следующим ответом: на природных «плотах».

Другие возражали, говоря, что подобные «плоты» быстро пропитываются водой и распадаются на части – и никому еще не приходилось встречать их вне видимости берега; к тому же течение, господствующее между островами и материком, отнесло бы такое утлое суденышко на север, а не в западном направлении.

Либо утверждали, будто все эти сухопутные обитатели перешли, не замочив ног, по некоему естественному мосту или перебрались вплавь короткими бросками от одного выступающего над водой утеса до другого, после чего некоторые из этих перевалочных пунктов успели исчезнуть под водой. Однако ученые при помощи своих крупных мозгов и хитроумных инструментов составили к 1986 году карты океанского дна. Там, как они заявили, не было обнаружено ни малейшего следа сильно возвышающихся частей ландшафта.

Третьи в ту эпоху непомерно больших мозгов и прихотливого мышления настаивали, что некогда острова являлись частью материка и откололись от него вследствие какой-то крупной природной катастрофы.

Но, судя по виду самих островов, не похоже было, чтобы они откололись от чего бы то ни было. Это явно были еще молодые вулканы, исторгнутые из недр земли в том самом месте, где они теперь находились. Многие из них, еще совершенно новорожденные, могли в любой момент снова начать извергаться. Тогда, в 1986 году, они еще не слишком обросли кораллами и потому не могли похвастать голубыми лагунами и белоснежными песчаными пляжами (каковые в глазах многих являли собой прообраз идеальной загробной жизни).

Ныне, миллион лет спустя, острова обзавелись уже и белоснежными пляжами, и голубыми лагунами. Однако к началу этой истории они еще представляли собой безобразное нагромождение складок, куполов, конусов и пиков, образованных лавой – хрупкой и шероховатой, чьи трещины, выемки, шурфы и провалы были богаты запасами не плодородной почвы или питьевой воды, а тончайшего, высушенного до предела вулканического пепла.

Еще одна бытовавшая в те времена теория гласила, что Всемогущий Господь сотворил всю эту живность именно там, где ее и обнаружили исследователи, так что ей не было вообще никакой надобности добираться до островов.

Наконец, согласно последней теории, все эти твари сошли на берег парочками с трапа Ноева ковчега.

Если Ноев ковчег существовал в действительности – что вполне возможно, – то повествование свое я мог бы озаглавить «Второй Ноев ковчег».

2

Не составляло, напротив, никакой загадки миллион лет назад то, каким образом намеревался попасть с южноамериканского континента на Галапагосские острова тридцатипятилетний американец по имени Джеймс Уэйт, который абсолютно не умел плавать. Само собой разумеется, он не собирался оседлывать созданный природой плавучий островок из растений, в надежде на счастливый исход. Только что он приобрел в своем отеле, располагавшемся в центре Гуаякиля, билет на новый, с иголки пассажирский корабль «Bahia de Darwin» (что в переводе с испанского означает «Бухта Дарвина»), который должен был отправиться в свое первое плавание – двухнедельный круиз на Галапагосы. Премьеру, предстоящую судну, на чьей мачте развевался эквадорский флаг, еще за год до отплытия анонсировали и разрекламировали как «Естествоиспытательский круиз века».

Уэйт путешествовал один. Это был преждевременно облысевший пухлый коротышка с лицом цвета непропеченного пирога из дешевого кафетерия и в очках – так что на вид, будь ему в том выгода, он вполне мог выдавать себя за пятидесятилетнего. Главным его стремлением было выглядеть безобидным и робким.

В данный момент он был единственным посетителем коктейль-бара в отеле «Эльдорадо», расположенном на широкой улице Дьес де Агосто, где он снимал номер. Бармен, двадцатилетний потомок гордых инкских аристократов, имя которого было Хесус Ортис, не мог отделаться от ощущения, что дух этого бесцветного и недружелюбного человечка, назвавшегося канадцем, сломлен некоей ужасной несправедливостью или трагедией. Уэйт хотел, чтобы любой, кто его увидит, чувствовал то же самое.

Хесус Ортис, один из приятнейших персонажей моего повествования, испытывал в отношении этого одинокого туриста скорее жалость, чем презрение. Ему было грустно – как на то и рассчитывал Уэйт – от мысли, что постоялец только что израсходовал кучу денег в магазинчике при отеле на соломенную шляпу, веревочные сандалии, желтые шорты и сине-белую хлопчатобумажную рубашку, в которые тот сейчас и был выряжен. Ортис припомнил, что, прибыв из аэропорта в деловом костюме, Уэйт выглядел весьма достойно. А теперь, ценою больших затрат, приобрел вид клоуна, карикатуры на американского туриста в тропиках.

К новой, хрустящей рубашке Уэйта еще был приторочен ценник, и Ортис вежливо и на хорошем английском сказал ему об этом.

«Разве?..» – проронил Уэйт. Он знал, что ценник болтается на нем, и хотел, чтобы тот продолжал болтаться. Однако разыграл небольшой спектакль, изобразив замешательство и

даже словно бы намереваясь оторвать злосчастный клочок картона. Но затем, словно переполненный вновь некой печалью, от которой он старался бежать, как бы забыл о своем намерении.

Уэйт был рыбаком, а ценник на рубашке – его наживкой, способом подтолкнуть незнакомых людей к тому, чтобы те заговорили с ним и в той или иной форме сказали ему то, что произнес Ортис: «Извините меня, сеньор, но не мог не заметить...»

В отеле Уэйт был зарегистрирован под именем, которое значилось в его фальшивом канадском паспорте: Уиллард Флемминг. Он был чрезвычайно удачливым мошенником.

Самому Ортису ничто не угрожало, однако для женщины без спутника – зажиточной наружности, незамужней и уже рожавшей – Уэйт представлял бы определенную опасность. До сего момента он успел обольстить и заставить выйти за себя замуж семнадцать подобных жертв, после чего, очистив их шкапулки с драгоценностями, сейфы и банковские счета, исчезал.

Везение его было столь велико, что ему удалось стать миллионером и открыть под разными вымышленными именами процентные счета в банках по всей территории Северной Америки, ни разу при этом ни на чем не поправшись. Насколько ему было известно, никто даже и не помышлял о том, чтобы поймать его. Что касается полиции, то для нее, рассуждал наш герой, он был лишь одним из семнадцати сбежавших от жены мужей, которые носили соответственно семнадцать разных имен, а не одним и тем же преступником по имени Джеймс Уэйт.

Ныне трудно поверить, что люди когда-то могли являть столь блестящий образец двуличия, как Джеймс Уэйт, – если только не помнить, что в те давние времена почти у всякого индивида мозг весил порядка трех килограммов! Не было предела злым козням, которые столь непомерно разросшийся мыслительный аппарат мог задумать и осуществить.

И потому я задаю вопрос (хотя поблизости нет никого, кто бы на него ответил): можно ли сомневаться, что трехкилограммовый мозг некогда представлял собой почти роковой дефект с точки зрения эволюции человеческого рода?

И еще: какой, помимо нашей переусложненной нервной системы, источник злодеяний, творившихся практически повсеместно, существовал в ту эпоху?

Мой ответ: никакого. Если бы не эти невероятно гипертрофированные мозги, Земля была бы совершенно невинной планетой.

3

Отель «Эльдорадо» представлял собой только что отстроенное пятиэтажное пристанище для туристов – сооружение из простых, без затей цементных блоков. Пропорциями он напоминал застекленную книжную полку, высокую, широкую и не слишком вместительную. Сквозь стекло, заменявшее во всех спальнях гостиницы западную стену, от пола до потолка, открывался вид на причал для океанских кораблей, который был расположен в углубленной части дельты, на удалении трех километров от города.

В прошлом причал этот бурлил коммерцией. Суда со всех концов земли доставляли сюда мясо и зерно, овощи и фрукты, машины и одежду, оборудование и бытовую технику и еще многое и многое – и увозили взамен в своих трюмах эквадорские кофе и какао, сахар и нефть, золото и предметы индийского искусства, и поделки, включая панамы, которые испокон века изготавливались в Эквадоре, а не в Панаме.

Однако в тот день, когда Джеймс Уэйт, глядя на рейд, потягивал в баре отеля ром с кокаолой, против причала стояла на приколе лишь пара кораблей. Пьянчугой на самом деле он не был, так как зарабатывал на жизнь изобретательностью ума и не мог позволить, чтобы тонкие соединения помещавшегося в его черепе компьютера были выведены из строя алкогольным

замыканием. Стоявшая перед ним выпивка служила театральным реквизитом – как и несрезанный ценник, болтавшийся на его шутовской рубаше.

Он не имел возможности судить, было ли нынешнее состояние дел на причале нормальным или нет. Еще пару дней назад он слыхом не слыхивал о Гуаякиле и сейчас впервые за всю свою жизнь находился южнее экватора. Что касается отеля, то «Эльдорадо», на взгляд нашего героя, ничем не отличался от массы других безликих гостиниц, под крышей которых ему доводилось находить приют во время своих прошлых эскапад – в Мус-Джо, штат Саскачеван, в мексиканском городке Сан-Игнасио, в Уотервлаете, штат Нью-Йорк, и так далее.

Название города, где он сейчас пребывал, Уэйт выбрал на табло прилетов и отлетов в нью-йоркском Международном аэропорту имени Кеннеди. Накануне он обобрал до нитки и бросил свою семнадцатую жену – семидесятилетнюю вдову из города Скокки, что под Чикаго. И Гуаякиль оказался ему местом, в котором та менее всего догадается разыскивать его.

Женщина эта была столь уродлива и глупа, что лучше бы ей вовсе не рождалась на свет Божий. Тем не менее Уэйт стал вторым, кто взял ее себе в жены.

Но и в «Эльдорадо» он слишком долго задерживаться не собирался, поскольку приобрел у агента бюро путешествий, чья конторка располагалась в вестибюле отеля, билет на «Естествоиспытательский круиз века». В этот послеобеденный час город был раскаленнее адской печи. Снаружи не веяло ни ветерка, но нашего героя это заботило мало, ибо он находился внутри, в кондиционированном баре отеля, и все равно вскоре собирался в путь. Его корабль, «Bahia de Darwin», должен был отплыть ровно в полдень завтра, в пятницу, 28 ноября 1986 года – миллион лет тому назад.

Бухта, в честь которой названо было пассажирское судно Уэйта, вдавалась с юга в остров Хеновеса, относящийся к Галапагосскому архипелагу. Уэйту никогда прежде не доводилось слышать о Галапагосах. Он полагал, что они должны походить на Гавайи, где он однажды проводил медовый месяц, или Гуам, куда его раз занесло во время очередных бегов, – с бесконечными белоснежными пляжами, голубыми лагунами, раскачивающимися на ветру пальмами и смуглокожими девушками-туземками.

Агент бюро путешествий вручил ему проспект, в котором рассказывалось о предстоящем круизе, однако Уэйт до сих пор не удосужился в него заглянуть. В данную минуту тот лежал перед ним на стойке бара. Проспект правдиво описывал негостеприимность островов и предупреждал желающих принять участие в круизе – чего не сделал агент бюро путешествий, – что те должны находиться в хорошей физической форме и иметь при себе прочные ботинки и походную одежду, так как им придется часто высаживаться на берег, карабкаясь по его скалистым склонам, как морская пехота.

* * *

Бухта Дарвина была названа так в честь великого английского ученого Чарльза Дарвина, который посетил Хеновеса и ряд соседних островов и провел там пять недель в 1835 году, когда он был еще двадцатилетним молодым человеком, на девять лет моложе Уэйта. Дарвин в качестве внештатного натуралиста находился на борту корабля Ее Величества «Бигль», участвуя в картографической экспедиции, которая позволила ему совершить полное кругосветное путешествие и длилась пять лет.

В проспекте, предназначенном скорее для любителей природы, нежели искателей удовольствий, приводилось сделанное Дарвином описание типичного ландшафта Галапагосов из его первой книги «Путешествие на «Бигле»:

«На первый взгляд трудно представить себе что-либо более непривлекательное. Изломанное поле черной базальтовой лавы, брошенное посреди бушующих волн и избородженное

глубокими расщелинами, сплошь покрыто чахлой, выжженной солнцем порослью, почти не подает признаков какой-либо жизни. Сухая и раскаленная каменная поверхность, разогреваемая полуденным солнцем, придавала воздуху ощущение спертости и духоты, точно из печи; нам чудилось даже, будто от кустов исходил неприятный запах».

Далее Дарвин продолжал: «Вся поверхность... казалось, пропускала, словно сито, подземные испарения: то здесь, то там лава, будучи еще мягкой, образовала огромные пузыри; в других местах своды сформировавшихся подобным образом пещер обрушились, оставив вместо себя круглые кратеры с отвесными стенами». Это зрелище, писал он, живо напомнило ему «... те места Стаффордшира, где больше всего расположено литейных печей».

В баре «Эльдорадо», в обрамлении полок и бутылок, висел напротив стойки портрет Дарвина – увеличенная репродукция стальной гравюры, где он был изображен не молодым человеком во время экспедиции на острова, а дородным отцом семейства, уже по возвращении в Англию, с бородою, пышной, словно рождественская елка. Тот же самый портрет красовался на футболках, выставленных на продажу в гостиничном магазинчике, и Уэйт купил себе пару. Так выглядел Дарвин в то время, когда друзья и родственники наконец уговорили его изложить на бумаге свои познания о том, как различные формы жизни повсюду, включая его самого, его друзей и родственников и даже его королеву, приобрели вид, какой они имели в девятнадцатом веке. В результате тот настроил самый широкий по общественному воздействию – за всю эпоху великих больших мозгов – научный труд. Трактат этот, более чем любой другой, способствовал стабилизации изменчивых человеческих представлений о том, как можно определить успех или неудачу. Только вообразите! И заглавие книги отражало ее безжалостное содержание: «О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за выживание».

Уэйт сроду не читал этой книги, и имя Дарвина было для него пустым звуком – несмотря на то, что время от времени он удачно сходил за образованного человека. Вот и сейчас он подумывал о том, чтобы назваться, на время «Естествоиспытательского круиза века», инженером-механиком из Мус-Джо, штат Саскачеван, недавно овдовевшим, после того как жену его унес рак.

В действительности его официальное образование прервалось после двух лет обучения на автомеханика в ремесленном училище его родного города Мидлэнд-Сити, в штате Огайо. В то время он жил в уже пятой по счету приемной семье, будучи от рождения сиротой – плодом кровосмесительной связи между отцом и дочерью, которые вместе навсегда бежали из города вскоре после его рождения.

Когда он сам достаточно повзрослел, чтобы сбежать, Уэйт автостопом добрался до острова Манхэттен, в Нью-Йорке. Там он познакомился с сутенером, который научил его успешно зарабатывать проституцией среди гомосексуалистов, оставлять несрезанными ценники на одежде, срывать любовные удовольствия где только возможно и так далее. Некогда Уэйт был вполне хорош собою.

Когда юношеская красота его поувяла, он стал преподавать в студии бальных танцев. Уэйт был танцором от природы, и еще в детские годы в Мидлэнд-Сити слышал, что и родители его отлично умели танцевать. Чувство ритма он, вероятно, унаследовал от них. Именно в танцклассе он встретил и принялся обхаживать первую из семнадцати его будущих жен.

На протяжении всего его детства приемные родители сурово наказывали Уэйта за любой пустяк, без разбора. Они полагали, что по причине дурной наследственности из него должен получиться моральный урод.

И вот этот самый урод восседал теперь в отеле «Эльдорадо» – довольный, богатый, благополучный (насколько он мог сам судить) и с готовностью ожидающий нового испытания на выживание.

Как и Джеймс Уэйт, я, кстати, подростком тоже сбежал из дома.

4

Англосакс Чарльз Дарвин, тихоголосый и благовоспитанный, безликий и бесполой, безучастно наблюдательный в своих сочинениях, почитался героем в буйном, страстном, многоязыком Гуаякиле в силу того, что имя его служило возбудителем туристского бума. Если бы не Дарвин, не было бы никакого отеля «Эльдорадо» или корабля «Bahia de Darwin», готовых приютить Джеймса Уэйта. Ни, наконец, магазинчика, где последний бы смог столь комично вырядиться.

Не объяви Чарльз Дарвин Галапагосские острова крайне поучительным местом, Гуаякилю суждено было бы остаться просто одним из множества раскаленных и грязных морских портов, а острова представляли бы для Эквадора не большую ценность, чем шлаковые отвалы где-нибудь в Стаффордшире.

Благодаря Дарвину острова эти преобразились не сами по себе, но в глазах людей. Вот какое значение имели мнения в эпоху великолепных больших мозгов.

Более того, какие-то мнения могли руководить поступками людей не меньше, чем реальные факты, – будучи при этом подвержены таким внезапным изменениям, которых факты претерпевать не в состоянии. Так, Галапагосские острова могли быть объявлены адом, а всего мгновение спустя – раем, а Юлий Цезарь почитаться то государственным деятелем, то, чуть погодя, мясником, равно как эквадорскими бумажными деньгами, лишь миг тому назад шедшими в уплату за пищу, кров и одежду, вдруг начинали выстилать птичьи клетки, а мироздание, еще вчера считавшееся творением Господа Бога, внезапно признавалось продуктом огромного космического взрыва – и так далее, и так далее.

Ныне, благодаря пониженным умственным способностям, чертенята мнений больше не отвлекают людей от главного дела их жизни.

Белый человек открыл Галапагосские острова в 1535 году, когда на них наткнулся испанский корабль, сбившись с курса во время шторма. Острова оказались необитаемы, и никаких признаков человеческого поселения там обнаружить не удалось.

Несчастное судно должно было всего лишь, не теряя из виду южноамериканского побережья, доставить в Перу панамского епископа. Однако разразившийся шторм бесцеремонно отнес его далеко на запад, где, согласно общепринятому мнению, не могло находиться ничего, кроме океана и еще раз океана.

Но когда шторм утих, испанцы обнаружили, что доставили своего епископа в кошмарный сон любого моряка – к клочкам суши, являвшим собой дьявольскую издевку: ни надежного места для стоянки, где можно было бы бросить якорь, ни тени, ни пресной воды, ни плодоносящих растений и ни единого человеческого существа. Там они застряли в мертвом штиле, приканчивая остатки воды и продовольствия. Поверхность океана была глаже зеркала. Они спустили на воду шлюп и кое-как, налегая на весла, отбуксировали беспомощный корабль и своего духовного пастыря прочь из гиблого места.

Испания сочла за благо не заявлять прав на владение островами, как не стала бы претендовать на обладание преисподней. И целых три столетия – покуда изменившееся общественное мнение не позволило архипелагу появиться на географических картах – ни одна страна не изъявляла желания присвоить его себе. Наконец в 1832 году одно из самых маленьких и

бедных государств планеты, каковым являлся Эквадор, обратилось к народам мира, прося их согласиться с тем, чтобы острова считались частью эквадорской территории.

Никто не возражал. В то время это казалось безобидным и даже комичным. Как если бы Эквадор в приступе империалистического помешательства решил присоединить к своей территории пролетающее мимо Земли астероидное облако.

Но затем, всего через три года, молодой Чарльз Дарвин принялся всех уверять, что те зачастую причудливые растения и животные, которые ухитрились каким-то образом выжить на пустынных островах, придают последним чрезвычайную ценность – если только взглянуть на них как он, с научной точки зрения.

Лишь одним словом можно верно охарактеризовать мгновенно пережитое островами превращение из ничего не стоящих в бесценные: *вошебство*.

Да, и к моменту появления в Гуаякиле Джеймса Уэйта там уже успело побывать, по пути к островам, такое множество интересующихся естественной историей, желающих увидеть то, что видел Дарвин, и ощутить то, что чувствовал он, что к порту было приписано целых три прогулочных судна, самым новым из которых была «Bahia de Darwin». В городе имелось несколько современных туристских отелей, новейшим среди которых был «Эльдорадо», а также сувенирные магазины, модные лавки и рестораны для туристов, усеивавшие от начала до конца улицу Дьес де Агосто.

Однако вот какая штука: к приезду туда Джеймса Уэйта мировой финансовый кризис, внезапный пересмотр людских представлений о ценности денег, фондов, акций, заледных векселей и тому подобных бумажек подорвал туристический бизнес не только в Эквадоре, но и практически повсеместно. Так что «Эльдорадо» оставался единственным еще открытым отелем на весь Гуаякиль, а «Bahia de Darwin» – единственным прогулочным судном, которое было на плаву.

«Эльдорадо» был открыт лишь как место сбора для купивших билеты на «Естествоиспытательский круиз века», поскольку владельцем его была та же эквадорская фирма, которой принадлежал и корабль. Но в данный момент, менее чем за сутки до отплытия, на весь двухсотместный отель насчитывалось всего шесть постояльцев, включая Джеймса Уэйта. Вот кто были остальные пятеро:

*Зенджи Хирогуши, двадцати девяти лет, японский компьютерный гений;

Хисако Хирогуши, двадцати шести лет, его глубоко беременная жена, преподаватель икебаны – японского искусства составлять букеты;

*Эндрю Макинтош, пятидесяти пяти лет, американский финансист и искатель приключений, обладатель огромного унаследованного им состояния, вдовец;

Селена Макинтош, восемнадцати лет, его слепая от рождения дочь; и, наконец, Мэри Хепберн, пятидесяти одного года, вдовья американка из Илиума, штат Нью-Йорк, которую в отеле еще никто практически не видел, так как, прибыв накануне вечером без сопровождения, она не выходила из своего номера на пятом этаже, куда ей доставляли еду.

Те двое, чьи имена отмечены звездочкой, еще до захода солнца окажутся мертвы. Это условное обозначение в дальнейшем будет не раз повторяться на протяжении моего рассказа, давая читателю понять, что тому или иному персонажу вскорости предстоит решающее дарвиновское испытание на силу и живучесть.

Я тоже там присутствовал – но совершенно незримо.

5

«Bahia de Darwin» был тоже обречен, но еще не настолько, чтобы против его названия можно было ставить звездочку. Лишь через пять суток его машинам предстояло смолкнуть навеки, и должно было минуть еще десять лет, прежде чем он окажется на океанском дне. Это было не только самое новое, большое и быстроходное прогулочное судно, приписанное к порту Гуаякиль. Корабль специально предназначался для туристических круизов на Галапагосы, и, с того самого момента, как был заложен его киль, предполагалось, что он будет постоянно курсировать взад-вперед между портом и островами.

Судно было построено в Мальмё, в Швеции, при моем собственноручном участии. Смешанная команда из шведов и эквадорцев, доставившая его из Мальмё в Гуаякиль, полагала, что шторм, который им довелось перенести по пути в Северной Атлантике, был первым и последним испытанием бурными водами и ледяным ветром, выпавшим на долю этого корабля.

Это был одновременно и плавучий ресторан, и лекторий, и ночной клуб, и отель на сотню посадочных мест. Судно оснащено было радаром и сонаром, а также электронным навигатором, который непрерывно фиксировал место его нахождения на поверхности земного шара с точностью до ста метров. Оно было настолько автоматизировано, что один человек, стоя на мостике, без чьей-либо помощи в машинном отделении или на палубе был в состоянии запустить машины, поднять якорь, лечь на курс и управлять кораблем, словно легковым автомобилем. Прибавьте к этому восемьдесят пять сточных туалетов, двенадцать биде и телефоны в каютах и на мостике, по которым через спутник можно было связаться с любой точкой мира.

И еще телевизионную связь, так что пассажиры могли быть в курсе текущих событий.

Владельцы судна, двое престарелых братьев-немцев, живущих в Кито, с гордостью заявляли, что ему ни на мгновение не грозит оказаться отрезанным от остального мира. Не много же они знали.

Длина корабля была семьдесят метров.

Тогда как «Бигль», на котором в качестве внештатного натуралиста путешествовал Чарльз Дарвин, насчитывал всего двадцать восемь.

При спуске «Bahia de Darwin» со стапелей в Мальмё тысяче ста метрическим тоннам морской воды пришлось потесниться, уступив место корпусу судна. Меня к тому времени уже не было в живых.

«Бигль», спущенный в свое время на воду в Фэлмете, в Англии, вытеснил лишь двести пятнадцать метрических тонн.

«Bahia de Darwin» был теплоходом с металлическим корпусом.

«Бигль» же – парусником, построенным из дерева и оснащенным десятью пушками для защиты от пиратов и дикарей.

Два более старых прогулочных судна, с которыми должно было конкурировать «Bahia de Darwin», вышли из игры еще до начала соревнования. Места на обоих были забронированы под завязку на много месяцев вперед, но затем, из-за разразившегося финансового кризиса, посыпался поток отказов. И вот теперь они стояли на приколе в одной из заводей дельты, вне видимости со стороны города, вдали от дорог и человеческого жилья. Владельцы – в предвосхищении их долгого бездействия – счистили с них всю электронику и прочую ценную оснастку.

В конечном счете Эквадор, как и Галапагосские острова, сложен был главным образом из лавы и пепла и не мог самостоятельно прокормить девять миллионов своего населения. Обанкротившись, он больше не имел возможности закупать продовольствие у стран, в изобилии наделенных почвой, поэтому порт Гуаякиль стоял в запустении и люди начали умирать там голодной смертью.

Ничего не поделаешь – бизнес есть бизнес.

* * *

Соседние Перу и Колумбия также были банкроты. Помимо «Bahia de Darwin» на рейде Гуаякиля находился только ржавый колумбийский сухогруз «San Mateo», застрявший там из-за отсутствия средств на покупку провианта и топлива. Он стоял на удалении от берега и уже очень долгое время, так что на его якорной цепи успел нарасти изрядный островок водорослей. Такой величины, что слоненок вполне мог бы добраться на нем до Галапагосских островов.

Мексика, Чили, Бразилия и Аргентина тоже были объявлены банкротами – равно как Индонезия, Филиппины, Пакистан, Индия, Таиланд, Италия, Ирландия, Бельгия, Турция. Целые нации оказались внезапно в том же положении, что и «San Mateo», – не в состоянии приобрести ни на свои бумажные или металлические деньги, ни под долговые обязательства даже предметы первой необходимости. Те, кто обладал какими-либо необходимыми для жизнеподдержания товарами, отказывались уступать их за деньги – все равно, соотечественникам или иностранцам. Они вдруг получили возможность сказать людям, чье состояние имело лишь бумажное выражение: «Эй, вы, идиоты, очнитесь. С чего вы решили, что бумага может иметь какую-то ценность?»

На земном шаре оставалось еще достаточно пищи, горючего и прочих запасов для всех его обитателей, сколь многочисленны они ни были, однако все новые и новые миллионы их начинали приближаться к голодной смерти. Даже самые здоровые из них могли обходиться без еды не более сорока дней, после чего им наступал конец.

И голод этот был столь же очевидно продуктом переразвитости человеческого мозга, как и Девятая симфония Бетховена.

Все дело заключалось в головах людей. Они просто изменили свой взгляд на бумажное богатство, но по практическим своим последствиям перемена эта могла сравниться с прямым попаданием в Землю метеорита размером с Люксембург, от которого планета сошла бы с орбиты.

6

Этот финансовый кризис, какой ни за что не может разразиться в наши дни, был последней в ряду губительных катастроф двадцатого века, зародившихся исключительно в человеческом мозгу. При виде того насилия, которое люди творили над собою самими, друг над другом и над всем живым вообще, пришелец с другой планеты имел бы основание предположить, что в самой окружающей среде что-то пошло наперекосяк и человечество обезумело перед лицом Природы, которая собирается истребить его.

Однако в действительности Земля тогда, миллион лет назад, была столь же богата влагой и плодоносна, как и сегодня, и в этом отношении ей не было равных на всем протяжении Млечного Пути. Изменилось лишь представление людей о ней.

К чести человечества, каким оно было в ту пору, следует сказать: все большее число людей признавало свои мозги безответственным, ненадежным, страшно опасным и совершенно непрактичным инструментом – словом, никуда не годными.

В микрокосме отеля «Эльдорадо», к примеру, вдова Хепберн, завтракавшая, обедавшая и ужинавшая в своем номере, в тот день вполголоса проклинала собственный мозг за совет, который тот ей подбрасывал: совершить самоубийство.

«Ты мой враг, – шептала она. – С какой стати я должна носить в себе такого страшного недруга?» Она четверть века преподавала биологию в государственной средней школе города

Илиум, штат Нью-Йорк (ныне не существующий), и потому ей была известна странная легенда об эволюции вымершего к тому времени существа, которое люди называли «ирландским лосем». «Будь у меня возможность выбирать между таким мозгом, как ты, и рогами ирландского лося, – обратилась она к своей центральной нервной системе, – я бы предпочла рога».

Рога же этих животных зачастую бывали размером с люстру в банкетном зале. Они были потрясающим примером того – любила она повторять своим ученикам, – как терпима может быть природа по отношению к очевидно нелепым ошибкам эволюции. Ирландский лось существовал два с половиной миллиона лет, несмотря на то, что рога его были чересчур неуклюжи для орудия самообороны и мешали их владельцам искать корм в гуще леса и зарослях кустарника.

Мэри также учила школьников, что человеческий мозг – самое восхитительное устройство для выживания, созданное эволюцией. И вот теперь ее собственный большой мозг внушал ей снять полиэтиленовый чехол с красного вечернего платья, висящего в шкафу ее гостиничного номера в Гуаякиле, и плотно обмотать его себе вокруг головы, дабы перекрыть поступление кислорода в клетки.

Накануне, в аэропорту, ее замечательный мозг надоумил ее препоручить чемодан со всеми туалетными принадлежностями и одеждой, которые такгодились бы ей в гостинице, носильщику, оказавшемуся на поверку вором. То была ее ручная кладь, прибывшая вместе с нею рейсом Кито – Гуаякиль. К счастью, в ее распоряжении оставалось содержимое второго чемодана, который она предпочла не брать с собою, а сдать в багаж, – в том числе вечернее платье, висевшее теперь в шкафу и предназначавшееся для выходов в свет во время плавания на «Bahia de Darwin». Кроме него, в чемодане находились водолазный костюм, ласты и маска для подводного плавания, два купальника, пара грубых туристских ботинок и комплект полевой формы морских пехотинцев США – из числа оставшихся с войны излишков – для вылазок на берег, который в данный момент и был на ней. Что до брючного костюма, бывшего на ней по прилете из Кито, то она, под влиянием опять-таки своего увесистого мозга, отдала его в чистку, доверившись печальноокому управляющему отеля, который пообещал, что костюм будет возвращен ей чистым наутро, к завтраку. Однако, к вящему замешательству управляющего, костюм также исчез.

Но самый большой подвох, устроенный ей ее мозгом – не считая совета покончить самоубийством, – заключался в том, что ему удалось убедить ее приехать в Гуаякиль вопреки всем известиям о разразившемся мировом финансовом кризисе и почти полной уверенности, что «Естествоиспытательский круиз века», билеты на который всего лишь месяц назад были полностью раскуплены, будет отменен за отсутствием пассажиров.

Ее колоссальный мыслительный аппарат способен был проявлять и мелочность. В данный момент он не разрешал ей спуститься вниз в десантной форме на том основании, что все – хотя отель был практически безлюден – станут потешаться, увидя ее в таком одеянии. Рассудок твердил ей: «Они будут покатываться со смеху за твоей спиной и считать тебя сумасшедшей и жалкой. Жизнь твоя все равно кончена. Ты потеряла мужа и свою преподавательскую работу, и у тебя нет ни детей, ни кого бы то ни было еще, ради кого стоило бы жить. Так что давай-ка избавься от своего унижительного положения с помощью чехла от платья. Что может быть легче? Что может быть безболезненнее? Что может быть разумнее?»

Отдадим должное ее мозгу: не его вина, что 1986 год обернулся для нее так отвратительно. А начинался год так многообещающе, муж Мэри, Рой, казалось, находился в добром здравии и прочно занимал свою должность техника-смотрителя на «ДЖЕФФКО», главной фабрике Илиума; директор устроил в ее честь банкет и вручил медаль «За выдающийся 25-летний

вклад в преподавание», а школьники в двенадцатый раз подряд избрали ее самым популярным учителем года.

Помнится, встречая Новый год, она произнесла: «Ах, Рой! Нам есть за что быть благодарными судьбе: мы так счастливы по сравнению с большинством других людей. Я готова заплакать от счастья!»

А он, сказав ее в объятиях, ответил: «Что ж, давай поплачь...» Ей был пятьдесят один год, а ему – пятьдесят девять. Оба были большими любителями отдыха на свежем воздухе: туризма, лыжного спорта, альпинизма, гребли на каноэ, бега, велосипедных прогулок, плавания, поэтому фигуры их были по-юношески стройными. Ни та, ни другой не курили и не пили; питались преимущественно свежими фруктами и овощами, разнообразя время от времени свое меню рыбой.

С деньгами они обращались умело, обеспечивая своим сбережениям такое же – в финансовом смысле – здоровое питание и упражнения, как и себе самими.

Рассказ Мэри о ее и Роя мудрости в денежных делах, безусловно, глубоко взволновал бы Джеймса Уэйта.

И действительно, Уэйт, сей обиратель вдов, сидя в баре «Эльдорадо», размышлял о Мэри Хепберн, хотя еще ни разу не успел с ней встретиться и выяснить наверняка, насколько та обеспеченна. Ее имя он увидел в журнале регистрации и не преминул расспросить о ней молодого управляющего отелем. То небольшое, что управляющий сумел ему поведать, пришлось Уэйту по душе. Этой не спускавшейся со своего этажа учительнице, робкой и одинокой – хотя она и была моложе всех тех, кого он окруживал и пускал по миру до сих пор, – похоже, самой природой назначено было пасть его жертвой. Он застигнет ее врасплох во время «Естествоиспытательского круиза века».

Здесь я позволю себе вставить личное наблюдение: еще будучи в живых, я сам часто получал от своего увесистого мозга советы, которые, с точки зрения моего благополучия – да если уж на то пошло, и благополучия всего рода человеческого, – можно было охарактеризовать как, мягко выражаясь, сомнительные. Вот вам пример: он толкнул меня пойти служить в морскую пехоту и отправиться воевать во Вьетнам.

Спасибо ему за это большое.

7

Национальные валюты всех шести постояльцев «Эльдорадо» – четверых американцев, одного якобы канадца и двоих японцев – пока еще ценились по всему миру наравне с золотом. Но, повторяю, ценность их денег была воображаемой. Как и сама природа мироздания, желанность их долларов и иен существовала исключительно в головах людей.

И если бы Уэйт, который понятия не имел о разразившемся финансовом кризисе, был в своем маскараде до конца последователен и привез с собою в Эквадор канадские доллары, его бы не приняли там со столь распростертыми объятиями. Ибо, хотя Канада еще не обанкротилась, воображение жителей все большего числа стран, включая самих канадцев, вынуждало их все менее охотно продавать что-либо действительно полезное за канадские доллары.

Аналогичное падение своей воображаемой ценности переживали английский фунт стерлингов, французский и швейцарский франки и немецкая марка. А эквадорский сукре, обязанный своим названием национальному герою Антонио Хосе де Сукре (1795–1830), стал цениться не более шкурки от банана.

* * *

Наверху, в своем номере, Мэри Хепберн мучилась вопросом, нет ли у нее мозговой опухоли и не потому ли мозг ее неизменно дает ей один совет хуже другого. Подозрения ее были вполне естественны, учитывая, что именно от опухоли в мозгу скончался всего три месяца назад ее муж Рой. Причем опухоли этой недостаточно оказалось просто лишить его жизни: прежде она исказила его память и помutilа рассудок.

Мэри даже подумалось – когда это с ним началось, – уж не действие ли той же опухоли заставило его забронировать билеты на «Естествоиспытательский круиз века» в том многообещающем январе этого, оказавшегося впоследствии столь ужасным года.

Вот как ей довелось узнать о том, что он забронировал места для участия в круизе. Как-то днем она пришла домой с работы, полагая, что Рой еще у себя в «ДЖЕФФКО». Он заканчивал на час позже ее. Однако Рой, на удивление, был уже дома: оказалось, он в тот день уволился по собственному желанию. И это сделал он – человек, обожавший свою возню с техникой и не поступившийся за двадцать девять лет службы ни часом рабочего времени, даже по болезни (поскольку он никогда не болел) или какой-либо иной уважительной причине.

Она спросила, уж не заболел ли он, – и услышала в ответ, что никогда в жизни он не чувствовал себя лучше. Он, показалось ей, был горд своим поступком – подобно юнцу, уставшему ходить все время в пай-мальчишках, Рой был человеком немногословным и не привыкшим зря бросаться словами, не позволявшим себе ни малейшего проявления легкомыслия и незрелости. Но на сей раз он, что было невероятно, произнес с неподражаемо глупым выражением, словно она была его рассерженной матерью: «Я прогулял».

Должно быть, это сказал не он, а его опухоль – думалось Мэри теперь, в Гуаякиле. Худший день для манкирования службой трудно было выбрать: накануне ночью шел град, а в тот день с самого утра зарядил дождь со снегом, усугублявшийся порывистым ветром. А Рой фланировал взад-вперед по Клинтон-стрит, центральной улице Илиума, заходя в каждый встречавшийся ему на пути магазин и рассказывая продавцам о том, что он прогуливает.

Мэри попыталась изобразить полное понимание и, стараясь, чтобы это звучало искренне, посоветовала ему и впрямь расслабиться и развлечься – хотя они и без того замечательно отдыхали в выходные и во время отпуска, да и на работе, коль уж на то пошло, заняты были приятным делом. Тем не менее от всей этой неожиданной эскапады исходил некий душок. Рой и сам за ранним ужином в тот день, казалось, был озадачен происшедшим. Но не более того. Он не думал, что подобное может повториться, так что они могли забыть этот инцидент – разве что время от времени посмеяться, вспомнив о случившемся.

Но чуть позже, когда они, перед тем как отойти ко сну, глядели на мерцавшие угли камина, который Рой сам соорудил своими мозолистыми руками, он вдруг произнес:

– Это не все...

– Что не все? – спросила Мэри.

– Насчет сегодняшнего, – отозвался он. – Среди прочих мест я зашел и в бюро путешествий.

(В Илиуме было всего одно подобное заведение, отнюдь не процветающее.)

– И что? – снова спросила она.

– Я заказал билеты... – продолжал он, точно вспоминая посетивший его сон. – За все уплачено. Все оформлено. Дело сделано: в ноябре мы с тобой летим в Эквадор и примем участие в «Естествоиспытательском круизе века».

Рой и Мэри Хепберн были первыми, кто откликнулся на рекламную-пропагандистскую кампанию, призванную собрать пассажиров для первого плавания «Bahia de Darwin», в то время как судно еще представляло собой едва заложенный киль и стопку чертежей где-то в шведском городе Мальмё. Агент бюро путешествий в Илиуме, когда Рой Хепберн вошел в его офис, как раз прикреплял скотчем к стене только что полученный плакат с рекламой круиза.

Да позволено мне будет вставить замечание личного порядка: я сам с год проработал сварщиком на верфи в Мальмё, однако к тому времени «Bahia de Darwin» еще не материализовалось настолько, чтобы ему потребовались мои услуги. И лишь когда наступила весна, я буквально потерял голову при виде этой стальной красотки. Вопрос: кому не приходилось терять голову по весне?

Однако продолжим.

На рекламном плакате, вывешенном в бюро путешествий в Илиуме, изображена была весьма странная птица, которая, сидя на прибрежном утесе вулканического острова, наблюдала за великолепным белым теплоходом, рассекающим волны. Птица была черной и, судя по всему, размером должна была быть с крупную утку, однако шея ее была длинной и гибкой, как змея. Но самым странным было то, что крыльев у нее, похоже, не было (что почти отражало истинное положение вещей). Эта порода птиц представляла собой эндемик Галапагосских островов – то есть водилась только там и больше нигде на земном шаре. Крылья у нее имелись, но крохотные и плотно прижатые к телу – чтобы она могла плавать быстро и глубоко, как рыба. Это позволяло ей заниматься рыболовством гораздо успешнее многих других птиц, вынужденных дожидаться, покуда рыба всплывет на поверхность, чтобы затем поразить добычу клювом. Эта уникальная порода названа была людьми «нелетающим бакланом». Птицы эти могли сами выслеживать добычу, а не дожидаться, пока рыба совершит роковую оплошность.

Должно быть, на каком-то этапе эволюции предки этой птицы усомнились в ценности своих крыльев – подобно тому, как люди в 1986 году начали всерьез сомневаться в пользе своих огромных мозгов.

Если Дарвин был прав в отношении закона естественного отбора – тогда, стало быть, короткокрылые бакланы, которых хватало лишь на то, чтобы отправляться на ловлю вплавь с берега, словно рыбацкие лодки, должны были добывать рыбы больше, чем лучшие из их соплеменников, охотившихся с воздуха. Затем они скрещивались с себе подобными – и самые короткокрылые из их потомства становились лучшими рыбаками, и так далее.

* * *

То же самое происходило и с людьми, но, разумеется, не в смысле крыльев – поскольку таковых у них никогда не имелось, – а в отношении их рук и мозгов. И теперь им не приходится больше ждать, пока рыба заглотит крючок с наживкой или заплывет в раскинутые ими сети. Тот, кто желает рыбы, ныне просто отправляется за ней напрямик в синие морские глубины, подобно акуле.

Теперь это стало так легко.

8

Даже тогда, в январе, уже имелось бесчисленное количество причин, по которым Рою Хепберну не стоило бы бронировать билеты на этот круиз. В то время еще не было столь очевидно, что приближается мировой экономический кризис и к назначенному дню отплытия на Эквадор обрушится голод. Но существовала, к примеру, проблема с работой Мэри. Она еще

не предполагала, что ее сократят, заставив досрочно уйти на пенсию, и потому не видела для себя никакой возможности выкроить три недели в конце ноября – начале декабря, в разгар учебного года.

Кроме того, хоть она там и ни разу не была, ей до смерти успели наскучить Галапагосские острова. Она пересмотрела такое несметное множество фильмов, слайдов, книг и статей об архипелаге, вновь и вновь используя их в читавшемся ею курсе, что ей трудно было представить, чтобы там ее могло ждать что-то новое. И совершенно зря.

За все годы совместной жизни они с Роем никогда не выезжали за пределы Соединенных Штатов. Коль уж, тряхнув стариной, совершать действительно сногшибательное путешествие, думалось ей, то она гораздо охотнее побывала бы в Африке, где дикая природа намного богаче, а выживание обусловлено столькими опасностями. Ведь по большому счету живность, населяющая Галапагосы, представлялась бледной и бедной в сравнении с африканскими носорогами, львами, слонами, жирафами и тому подобным.

Перспектива отправиться в подобный вояж даже заставила ее признаться своей близкой подруге: «Меня вдруг охватило чувство, что я не желаю больше в жизни видеть синелапую олушу!»

Не много же ей было известно...

В разговоре Мэри заглушала дурные предчувствия, которые порождала в ней эта поездка, – в уверенности, что муж сам осознает случившееся с ним помрачение рассудка. Но к марту Рой все так же был без работы, а она уже знала, что ее уволят в июне. Как бы там ни было, возможность поездки в назначенный срок стала вполне реальной. И круиз этот приобретал в больном воображении Роя все большую значимость, как «единственно приятное, о чем стоит мечтать».

А с работой их произошло следующее: руководство «ДЖЕФФКО» распустило почти всех своих служащих, как рабочих, так и инженерный состав, чтобы модернизировать производство в Илиуме. Сделать это подрядилась японская компания «Матsumото». Та самая, что оснащала автоматикой «Bahia de Darwin». В ней же служил *Зенджи Хирогуши, молодой компьютерный гений, остановившийся со своей женой в отеле «Эльдорадо» в то самое время, когда там жила Мэри.

После завершения установки компьютеров и роботов всем производством, по замыслу «Матsumото корпорейшн», смогли бы управлять всего двенадцать человек. Поэтому те, кто был помоложе, не обремененный детьми или по крайней мере не питавший честолюбивых надежд на будущее в этом царстве автоматике, толпами покидали город. Как скажет позже Мэри Хелберн в свой восемьдесят первый день рождения – за две недели до того, как ее съест громадная белая акула: «Точно Крысолов со своей дудкой прошел по городу». Внезапно вокруг не осталось детей, которых можно было бы учить, и городская казна лопнула за неимением налогоплательщиков. Так что в июне того года илиумская средняя школа в последний раз прощлась с выпускниками.

В апреле Рою поставили диагноз: безнадежный случай мозговой опухоли. С этого момента «Естествоиспытательский круиз века» стал единственным, ради чего он еще хотел жить.

– Столько-то я еще протяну, Мэри. Ноябрь – это ведь скоро, да? – говорил он.

– Да, – отвечала она.

– Столько я смогу протянуть...

– Ты протянешь еще не один год, Рой, – ободряла она его.

– Мне бы только дожить до круиза. Лишь бы увидеть пингвинов там, на экваторе, – говорил он. – С меня и того будет довольно.

* * *

Хотя Рой все больше путался в разных вещах, в отношении пингвинов на Галапагосах он был прав. То были костлявые существа, маскировавшие худобу под своими метрдотелевскими одеяниями. Они просто вынуждены были иметь такую конституцию. Будь они столь же заплывшими жиром, как их родственники, живущие в антарктических льдах далеко на юге, за полсвета от экватора, – они бы изжарились до смерти, выходя на лавовый берег откладывать яйца и выхаживать птенцов.

Их предки, как и предки бескрылых бакланов, в свое время также отказались от волшебства полета, предпочтя вместо этого умение ловить больше рыбы.

Относительно таинственного энтузиазма, с которым люди миллион лет назад стремились препоручить технике как можно больше областей человеческой деятельности: что это, как не еще одно признание того, что мозги их в те времена не годились ни к черту?

9

Пока длилось умирание Роя Хепберна – а заодно с ним и всего Илиума, – пока и он, и город погибали под воздействием процессов, губительных для здоровья и счастья людей, крупный мозг Роя внушил ему, будто он служил в американском флоте на атолле Бикини (расположенном, как и Гуаякиль, на экваторе) во время испытаний атомной бомбы в 1946 году. Он заявил, что собирается предъявить собственному правительству иск на миллионы долларов, поскольку якобы полученная им там доза радиации сначала не позволила им с Мэри иметь детей, а теперь вот вызвала у него рак мозга.

Рой действительно прослужил некоторое время на флоте – в остальном же его претензии к правительству Соединенных Штатов Америки были безосновательны, ибо он родился в 1932 году, и американским юристам не составило бы труда это доказать. А значит, к моменту произошедшего с ним, как он утверждал, облучения ему должно было исполниться всего четырнадцать лет.

Это явное несовпадение во времени тем не менее не помешало ему живейшим образом помнить те ужасные вещи, которые правительство заставляло его делать в отношении так называемых «низших животных». По его рассказам, он, действуя практически в одиночку, разводил и устанавливал по всему атоллу столбы, а затем привязывал к ним различную живность.

– Думаю, выбор пал на меня потому, – говорил он, – что звери мне всегда доверяли.

Что касается последнего, то это была истинная правда: животные неизменно относились к Рою с доверием. Несмотря на то что Рой по окончании средней школы не получил никакого специального образования – не считая программы профессионального обучения в «ДЖЕФФКо», – он гораздо лучше находил общий язык с животными, чем Мэри, получившая степень магистра зоологии в Индианском университете. Он умел, например, разговаривать с птицами на их наречии – чего не дано было ей, чьи предки по обеим линиям были абсолютно лишены слуха. Не было такого домашнего животного, включая сторожевых собак в «ДЖЕФФКо» и опоросившихся свиноматок, которое, сколь бы злобно оно ни было, через каких-нибудь пять минут общения с Роем не превратилось бы в его лучшего друга.

Поэтому можно понять слезы Роя во время рассказа о том, как ему приходилось привязывать зверей к этим проклятым столбам. Эти жестокие эксперименты и впрямь проводились на животных – овцах и свиньях, коровах и лошадях, обезьянах и утках, курах и гусях, – но отнюдь не на том зоопарке, что предстал в описаниях Роя. Если верить последнему, он

привязывал к столбам павлинов, снежных леопардов, горилл, крокодилов, альбатросов. В его разросшемся мозгу атолл Бикини превратился в прямую противоположность Ноева ковчега: всякой твари по паре было привезено туда, чтобы сбросить на них атомную бомбу.

Самой дикой несообразностью в рассказе Роя (который сам не видел в этом ничего дикого) была, конечно, следующая:

– Дональд тоже был среди них...

Дональдом звали кобеля, золотистого ретривера четырех лет от роду, обитавшего в окрестностях Илиума и, может статься, как раз в эту минуту пробежавшего мимо их дома.

– Мне и без того было так тяжело... – вновь и вновь рассказывал Рой. – Но тяжелее всего оказалось привязывать Дональда. Я все оттягивал этот момент до тех пор, пока оттягивать больше уже было нельзя. Непривязанным оставался один Дональд. Он безропотно позволил привязать себя, а когда я покончил с этим, лизнул мою руку и помахал хвостом. Не стыжусь признаться, что я расплакался и произнес сквозь слезы: «Прощай, старина. Тебе предстоит отправиться в иной мир. И наверняка в лучший, потому что никакой другой мир не может быть хуже, чем этот».

В то время, как Рой начал устраивать подобные спектакли, Мэри еще продолжала ежедневно преподавать, по-прежнему убеждая горстку учеников, которые у нее остались, что те должны благодарить Бога, наделившего их столь великолепными большими мозгами. «Неужели вы предпочли бы иметь вместо этого шею, как у жирафа, или способность менять окраску, как у хамелеона, или шкуру, как у носорога, или рога, как у ирландского лося?» – спрашивала она их, продолжая нести все ту же околесицу.

А затем она отправлялась домой – к Рою, ставшему наглядной демонстрацией того, как ненадежен человеческий мозг. Рой согласился лечь в больницу лишь ненадолго, для обследования. Но в остальном вел себя послушно. Водить машину ему было противопоказано, и он, сознавая это, не протестовал, когда Мэри припрятала подальше ключи от его джипа с автоприцепом. И даже сам предложил продать его, сказав, что вряд ли им еще когда доведется заниматься автотуризмом. Так что Мэри не надо было нанимать сиделку для присмотра за Роем, пока она на работе. Соседи-пенсионеры рады были заработать лишних несколько долларов, составляя ему компанию и следя, чтобы он как-нибудь не нанес себе увечья.

Он был для них совершенно безопасен. Подолгу смотрел телевизор и мог часами с удовольствием играть, не выходя со двора, с Дональдом – тем самым золотистым ретривером, погибшим якобы на атолле Бикини.

* * *

В ходе своего последнего урока, посвященного Галапагосским островам, Мэри то и дело останавливалась на полуслове и умолкала на несколько секунд под воздействием охватывавшего ее сомнения, которое можно было бы сформулировать примерно следующим образом: «А вдруг я просто сумасшедшая, явившаяся с улицы в этот класс и принявшаяся объяснять этим подросткам тайны жизни? И они поверили мне, хотя все мои рассуждения в корне ошибочны».

И невольно ей приходили на ум все педагоги прошлого, почитавшиеся великими несмотря на то, что, будучи наделены даже здоровым мозгом, они, как выяснилось впоследствии, не меньше Роя заблуждались относительно истинной сути происходящего.

10

Сколько островов насчитывалось в Галапагосском архипелаге миллион лет тому назад? Тринадцать больших, семнадцать поменьше и триста восемнадцать совсем крошечных, представлявших собою не более чем отдельно стоящие скалы, возвышающиеся над водой на пару метров.

Ныне там четырнадцать крупных, семь мелких и триста двадцать шесть мизерных. Вулканическая активность в значительной мере еще сохраняется. Вот вам шутка: боги все еще гневаятся.

И по-прежнему севернее всех, одиноко, на отшибе от других островов лежит Санта-Росалия.

* * *

Да, так, стало быть, миллион лет назад, 3 августа 1986 года, человек по имени *Рой Хепберн лежал на смертном одре в своем уютном славном домишке в Илиуме, что в штате Нью-Йорк. О чем он больше всего сожалел перед самым концом – так это о том, что у них с его женой Мэри не было детей. А настаивать, чтобы та после его кончины родила от кого-нибудь еще, он не мог, так как организм ее к тому времени потерял способность оплодотворяться.

– Теперь мы, Хепберны, исчезнем с лица земли, как дронты, – произносил он и продолжал сыпать названиями существ, оказавшихся бесплодными, сухими ответвлениями на древе эволюции. – Как ирландский лось... как бивнеклювый дятел... как *tyrannosaurus rex*¹...

И он продолжал перечислять до бесконечности. Однако вплоть до последней минуты свойственное ему сухое чувство юмора не покидало его, и он делал к этому списку два шуточных добавления. В обоих случаях действительно вымершие не оставили по себе потомства:

– Как оспа... – говорил он, – как Джордж Вашингтон.

До последнего вздоха он всем сердцем верил, что его подвергло облучению собственное правительство. Мэри, врачу и сиделке, неотлучно находившимся при нем, поскольку смерть теперь могла наступить в любой момент, он посетовал:

– Пусть бы это еще была кара Божья!

Мэри эта фраза показалась финальной репликой пьесы. Вымолвив ее, он и впрямь стал подобен мертвецу.

Однако десять секунд спустя его посиневшие губы зашевелились вновь. Мэри приникла ухом, пытаясь разобрать слетавшие с них слова. И до конца своей жизни затем благодарила себя, что не упустила их.

– Знаешь, Мэри, что такое человеческая душа? – прошептал он с закрытыми глазами. – У животных нет души. Она – та часть человека, которой становится известно, когда с мозгом его что-то неладно. Лично я всегда это чувствовал, Мэри. Ничего не мог поделать, но чувствовал.

А затем, испугав Мэри и всех присутствующих до потери сознания, сел на кровати – прямой, с широко раскрытыми горящими глазами – и громовым голосом, разнесшимся по всему дому, приказал:

– Библию!

Это было первое за все время его болезни упоминание о чем-то связанном с официальной религией. Они с Мэри были не любители ходить в церковь или молиться – даже в самые тяжелые времена, – но Библия у них где-то имелась. Только Мэри плохо представляла где.

– Библию! – снова прогремел умирающий. – Женщина, найди Библию!

¹ Гигантский тираннозавр (лат.).

Никогда прежде он не называл ее «женщиной».

Мэри отправилась за Библией. И сумела отыскать ее в запасной спальне, между «Плаванием на «Бигле» Дарвина и «Повестью о двух городах» Чарльза Диккенса.

*Рой, все так же сидя в постели, обратился к Мэри, опять назвав ее «женщиной».

– Женщина, – велел он ей, – положи руку на Библию и повторяй за мной: «Я, Мэри Хепберн, даю у смертного одра моего возлюбленного мужа два торжественных обета».

Она повторила, ожидая – даже в глубине души надеясь, – что обеты эти окажутся столь фантастическими (например, возбудить иск против правительства), что выполнить их ей не представится ни малейшей возможности. Но подобной удачи ей не выпало.

Первый обет заключался в том, что она должна была, не тратя времени на пустое уныние и жалость к себе самой, вторично выйти замуж.

Второй обязывал ее отправиться в ноябре одной, за них двоих, в Гуаякиль и принять участие в «Естествоиспытательском круизе века».

– Дух мой будет сопровождать тебя на всем протяжении этого пути, – проговорил он. И умер.

И вот теперь она сидела в Гуаякиле, подозревая, что у нее самой рак мозга. В данную минуту, поддавшись уговорам своего мозга, она копалась в гардеробе, снимая чехол со своего красного вечернего платья, которое называла «платьем для Джекки». Прозвище это было дано ему потому, что одной из ее предполагаемых спутниц в том круизе должна была стать Жаклин Кеннеди-Онассис, и Мэри хотела получше одеться для такого случая.

Но теперь Мэри уже сознавала, что вдова Онассиса не настолько сумасшедшая, чтобы приехать в Гуаякиль, улицы и крыши которого охранялись солдатами, а в парках рылись окопы и пулеметные гнезда.

Стягивая чехол с платья, она нечаянно сорвала его с вешалки, и оно упало на пол, образовав алую лужу.

Она не стала его подбирать, ибо полагала, что все эти земные вещи ей больше не пригодятся. Но время ставить перед ее именем звездочку еще не пришло. Больше того: ей предстояло еще прожить тридцать лет. И даже найти некоторым жизненно важным материалам, существующим на планете, такое применение, благодаря которому она в итоге, неоспоримо, стала самым выдающимся экспериментатором в истории рода человеческого.

11

Будь Мэри Хепберн в настроении, более склонном к любопытству, чем к самоубийству, она могла бы, прикинув ухом к задней стенке встроенного шкафа, расслышать шумы, доносившиеся из соседнего номера. Она не имела ни малейшего представления, кто ее соседи, так как накануне, к моменту ее прибытия, других постояльцев в отеле не было, а с тех пор она не покидала своего номера.

Источником же шумов за стеной были *Зенджи Хирогуши, компьютерный гений, и его беременная жена Хисако, преподававшая икебану, японское национальное искусство составления букетов.

Соседями Мэри по другую сторону были Селена Макинтош, слепая дочь-подросток *Эндрю Макинтоша, и Казах, ее зрячая собака, тоже самка. Лая Мэри до сих пор слышать не приходилось в силу того, что Казах никогда не лаяла.

Казах вообще не лаяла, не играла с другими собаками, не занималась вынюхиванием любопытных запахов и не гонялась за живностью, бывшей естественной добычей ее предков, ибо, когда она была еще щенком, большемозглые люди срывали на ней злость и лишали пищи всякий раз, как она позволяла себе одно из этих занятий. С самого начала они дали ей понять, в

каком мире она живет: в том, где все виды нормальной собачьей жизнедеятельности объявлены вне закона.

Ей удалили половые органы, чтобы она никогда не смогла поддаться зову природы. Я было собирался сказать, что числу действующих лиц моего рассказа предстоит вскоре свестись к одному-единственному самцу и массе особей женского пола, включая самку собаки. Однако Казах благодаря вмешательству хирургии к особям женского пола уже отнести было нельзя. Подобно Мэри Хепберн, она оказалась выключенной из игры эволюции. Ей не суждено было никому передать свои гены.

За комнатой Селены и Казаха, соединенная с предыдущей незапирающейся дверью, располагалась комната здоровяка отца Селены – финансиста и искателя приключений *Эндрю Макинтоша. Последний был вдовцом. Он мог бы замечательно сойтись с также овдовевшей Мэри Хепберн, так как оба были рьяными поклонниками отдыха на свежем воздухе. Но им не суждено было встретиться. Как уже говорилось ранее, *Эндрю Макинтошу и *Зенджи Хирогуши назначено было умереть до захода солнца.

Что касается Джеймса Уэйта, то ему был выделен номер на совершенно незаселенном третьем этаже, подальше от остальных постояльцев. Его могучий мозг тешил Уэйта лестью, как удачно тому удается прикидываться безобидным простаком. Но он заблуждался. Управляющий отелем сразу распознал в этом субъекте мошенника.

Управляющий этот, по имени *Зигфрид фон Кляйст, был мрачным мужчиной средних лет и принадлежал к преуспевающей немецкой общине, обосновавшейся в Эквадоре. Двое его дядьев по отцовской линии, жившие в Кито и владевшие как отелем, так и судном «Bahia de Darwin», поручили ему руководство отелем всего на две недели, которые уже подходили к концу, – для приема участников «Естествоиспытательского круиза века». Получив значительное наследство, он вел по преимуществу праздный образ жизни, однако, застыженный дядьями, вынужден был «вложить силы» в это семейное предприятие.

Он был не женат и не имел потомства, так что с эволюционной точки зрения не представлял никакого интереса. Он тоже мог бы быть кандидатом в мужья Мэри Хепберн. Но и он был обречен. *Зигфрид фон Кляйст должен был пережить заход солнца, однако тремя часами позже ему предстояло утонуть в волнах прибой.

Было четыре часа дня. Вид у этого эквадорского гунна, с водянисто-голубыми глазами и длинными свисающими усами, был и впрямь такой, будто он ожидал в тот вечер своей кончины – хотя он мог предсказать будущее не лучше, чем я. Оба мы чувствовали в тот день, как планета вибрирует на своей оси, и ощущали, что в следующий момент может произойти все что угодно.

В частности, *Зенджи Хирогуши и *Эндрю Макинтошу предстояло умереть от огнестрельных ран.

* * *

*Зигфрид фон Кляйст не играет существенной роли в моем рассказе – в отличие от его единственного брата, Адольфа, который был на три года младше первого и также не женат. Более того: Адольфу фон Кляйсту, капитану «Bahia de Darwin», суждено было стать прародителем всего рода человеческого, обитающего ныне на поверхности Земли.

При содействии Мэри Хепберн ему, так сказать, назначено было стать Адамом нового времени. Сама же преподавательница биологии из Илиума, ввиду того, что она утратила дар зачатия, не должна, не могла стать его Евой. Вместо этого ей предстояло выступить скорее в роли Господа Бога.

Этот-то в высшей степени значительный брат ничего не значащего управляющего отелем прибывал в Гуаякильский международный аэропорт рейсом из Нью-Йорка, где он занимался рекламой «Естествоиспытательского круиза века».

Если бы Мэри прислушалась к разговору супругов Хирогуши, доносившемуся из-за перегородки встроенного шкафа, то она не поняла бы ни слова из того, что их волновало, поскольку те беседовали по-японски. Это был единственный язык, на котором они оба умели бегло разговаривать. *Зенджи знал немного английский и русский, а Хисако – китайский. Ни тот, ни другая не владели испанским, кечуа, немецким или португальским – языками, наиболее распространенными в Эквадоре.

Между тем эти двое тоже, оказывается, раскаивались в шутке, которую сыграли с ними их якобы замечательные мозги. В особенности сожалели они, что свалили дурака, позволив заманить себя в этот кошмар, – ибо *Зенджи считался одним из самых сообразительных людей в мире. И именно по его, а не по ее вине они оказались пленниками энергичного *Эндрю Макинтоша.

Случилось это так: *Макинтош со своей слепой дочерью и ее собакой посетил годом раньше Японию, где познакомился с *Зенджи и чудесными плодами его работы в качестве служащего «Матсумото». В технологическом смысле *Зенджи, будучи всего двадцати девяти лет от роду, ухитрился стать дедушкой. Несколько раньше он произвел на свет карманный компьютер, способный мгновенно осуществлять устный перевод со многих языков и названный им «Гокуби». Затем, уже во время визита Макинтоша в Японию, *Зенджи разработал опытную модель нового поколения синхронных речевых компьютеров-переводчиков, которому дал имя «Мандаракс».

Тогда-то *Эндрю Макинтош, чья инвестиционная банковская фирма добывала средства на развитие различных производств и собственное существование посредством продажи фондов и акций, отвел молодого *Зенджи в сторонку и сказал, что для такого специалиста работать за жалованье просто идиотизм и что он немедленно принесет тому миллиардное состояние в долларах – или триллионное в иенах.

*Зенджи отвечал, что должен подумать.

Разговор этот проходил в токийском ресторане, где подавали суши – рулеты из сырой рыбы, начиненные холодным рисом, – популярное блюдо миллион лет тому назад. В то время никто еще и представить себе не мог, что очень скоро все население Земли будет питаться практически одной сырой рыбой.

Цветущий, шумный американский предприниматель и сдержанный, почти кукольный японский изобретатель общались через «Гокуби», так как ни тот, ни другой не могли связать двух слов на языке собеседника. К тому времени в мире насчитывались уже тысячи и тысячи подобных «Гокуби». «Мандараксом» же они воспользоваться не могли, ибо единственный действующий образец новой модели находился под усиленной охраной в кабинете *Зенджи в «Матсумото». И переразвитый мозг изобретателя начал рисовать перспективы его превращения в самого богатого человека страны – столь же богатого, как сам японский император.

Несколько месяцев спустя, в январе – том самом январе, когда Мэри и Рой Хепберн размышляли, сколь они должны быть благодарны судьбе, – *Зенджи получил от *Макинтоша письмо, где тот заранее, за целых десять месяцев, приглашал его погостить в своем имении под Меридой, на полуострове Юкатан, в Мексике, а затем совершить с ним вояж на отправляющемся в первое плавание эквадорском суперлайнере «Bahia de Darwin», к финансированию которого *Макинтош приложил руку.

В своем послании, написанном по-английски и требовавшем перевода для *Зенджи, *Макинтош писал: «Давайте используем эту возможность, чтобы по-настоящему узнать друг друга».

Чего тот действительно рассчитывал добиться – не в Юкатане, так во время «Естествоиспытательского круиза века» – это подписи *Зенджи на договоре о назначении японца главой новой корпорации, фондами которой *Макинтош намеревался торговать.

Подобно Джеймсу Уэйту, *Макинтош был в своем роде рыбак. Он думал ловить инвесторов, используя в качестве наживки, в отличие от первого, не ценник на рубашке, а гениального японского компьютерщика.

И здесь мне представляется, что начало моего повествования, действие которого охватывает миллион лет, не слишком отличается от его финала. В начале, как и в конце, я обнаруживаю, что говорю о людях – независимо от размеров их головного мозга – как о рыболовах.

Итак, на дворе стоял ноябрь, и Хирогуши находились в Гуаякиле. По совету *Макинтоша *Зенджи скрыл от своих сослуживцев правду о том, куда он направляется. Он убедил их, что совершенно истощен работой над «Мандараксом» и поэтому они с Хисако хотят провести пару месяцев вдвоем, подальше от всего, что напоминало бы им о работе, полностью отрезав себя от внешнего мира. В их увесистые мозги он вложил следующую дезинформацию: он якобы нанял шхуну с командой, чье название он открывать не хочет, которая выходит из одного мексиканского порта – чьего названия он также разглашать не хочет, – чтобы совершить круиз по островам Карибского моря.

И хотя списки участников «Естествоиспытательского круиза века» получили широкую огласку, сослуживцы *Зенджи так и не узнали, что их самый перспективный сотрудник и его жена также должны находиться на борту «Bahia de Darwin». Ибо, как и Джеймс Уэйт, супруги путешествовали с фальшивыми документами.

И, опять же подобно Уэйту, им удалось замести следы!

Любой, кто вздумал бы разыскивать их, был обречен на неудачу. Следуя логике больших мозгов, невозможно было бы даже правильно избрать часть света для начала поисков.

12

Сейчас в отеле, в номере, смежном с комнатой Мэри Хепберн, супруги Хирогуши приглушенно говорили друг другу, что *Эндрю Макинтош – настоящий маньяк. Это было преувеличение. *Макинтош, несомненно, был натурой необузданной, алчной и неделикатной, однако сумасшедшим его назвать было нельзя. То, что его крупный мозг полагал происходящим во внешнем мире, по большей части действительно происходило. Вылетая из Мериды на своем личном «Лиэрджете», собственноручно им управляемом, с Селеной, Казахом и супругами Хирогуши на борту, он уже знал, что по прибытии они обнаружат Гуаякиль на военном положении или в ситуации, близкой к тому; что по городу будут слоняться растущие толпы голодных; что «Bahia de Darwin», вероятно, не отправится в плавание в назначенный срок и так далее.

Благодаря средствам связи, которыми было оборудовано его юкатанское имение, он находился полностью в курсе всех последних событий в Эквадоре или любом другом месте, представлявшем для него интерес. В то же время он, так сказать, наводил туману, держа японскую чету – но не свою слепую дочь – в неведении относительно того, что их, по всей видимости, ожидает.

Истинной целью его путешествия в Гуаякиль – что он опять же открыл своей дочери, но не супругам Хирогуши, – было скупить на корню по бросовым ценам как можно больше идущего с молотка имущества в Эквадоре. Включая, возможно, «Эльдорадо» и «Bahia de Darwin», а также золотые прииски, нефтяные месторождения и так далее и тому подобное. Более того: он собирался навеки привязать к себе *Зенджи Хирогуши, поделившись с ним этими прибыль-

ными перспективами и ссудив ему денег, чтобы тот, в свою очередь, тоже мог стать одним из крупнейших собственников в этой стране.

*Макинтош велел чете Хирогуши оставаться в их номере в «Эльдорадо», обещая вскоре сообщить им некую радостную весть. Целый день он висел на телефоне, обзванивая эквадорских финансистов и банкиров, и сообщение, которым он хотел потрясти японскую пару, касалось всего того имущества, которое через день-другой могло перейти в его и их собственность.

И тогда он думал с легким сердцем произнести: «Ну его к черту, этот «Естествоиспытательский круиз века!»»

Супруги же Хирогуши уже не верили, чтобы от *Эндрю Макинтоша можно было ждать хороших известий. Они искренне считали его помешанным – ошибочное мнение, внушенное им, по иронии судьбы, собственным детищем *Зенджи, «Мандараксом». К этому моменту в мире уже насчитывалось десять таких аппаратов, девять из которых находились в Токио, а десятый *Зенджи прихватил с собой, отправляясь в путешествие. «Мандаракс» в отличие от «Гокуби» выполнял не только переводческие функции, но и был способен в придачу с достаточной точностью ставить диагноз, распознавая тысячу заболеваний, которыми наиболее часто страдает *Homo sapiens*, включая двенадцать разновидностей неврозов.

То, что «Мандаракс» умел делать в области медицины, было, по сути, симплицизмом. Компьютер был запрограммирован выполнять то, что обычно делают доктора, а именно задавать ряд вопросов, каждый из которых логически ведет к последующему, например: «Хороший ли у вас аппетит?», затем: «Пищеварительный тракт работает нормально?», вслед за чем, возможно: «Как выглядит ваш стул?» и так далее.

И вот, гостя на Юкатане, супруги Хирогуши при помощи такой изящной цепочки вопросов и ответов описали «Мандараксу» поведение *Эндрю Макинтоша. После некоторого раздумья компьютер высветил на своем экранчике размером с игральную карту японские иероглифы, означавшие: «Патологическая личность».

К несчастью для супругов – но не для самого «Мандаракса», которому чужды были какие бы то ни было чувства или переживания, – программа компьютера не позволяла ему объяснить, что недуг этот легок сравнительно с большинством других и что страдающих им редко госпитализируют, а, наоборот, они являются одними из счастливейших людей на планете, поскольку поведение их причиняет страдания окружающим, почти никогда не затрагивая их самих. Настоящий врач, возможно, добавил бы, что миллионы людей, с которыми нам приходится сталкиваться ежедневно на улице, относятся к спорному разряду, о котором сложно сказать с какой-либо степенью определенности, являются ли они личностями патологическими.

Однако Хирогуши не разбирались в медицине и отнеслись к поставленному диагнозу так, словно речь шла о случае клиническом. Так что теперь они желали любым способом отделаться от *Эндрю Макинтоша и ехать, не останавливаясь, прочь, до самого Токио. Но они по-прежнему зависели от него, как бы им ни хотелось обратного. От мрачного управляющего отелем, с которым они общались через «Мандаракс», супруги узнали, что все коммерческие авиарейсы из Гуаякиля отменены, а фирмы, у которых можно было бы зафрахтовать самолет, на звонки не отвечают.

Это известие поставило окаменевших Хирогуши перед двумя остающимися возможностями бегства из Гуаякиля: на «Лиэрджете» *Макинтоша либо на борту «Bahia de Darwin» – если корабль, во что верилось все труднее, и впрямь собирался отплыть на следующий день.

13

*Зенджи Хирогуши породил «Гокуби» миллион и пять лет тому назад, после чего, ровно миллион лет назад, тот же молодой гений породил «Мандаракс». Да, а к моменту явления на свет «Мандаракса» жена *Зенджи должна была вскоре родить ему первое его человеческое дитя.

Существовало опасение, как бы гены матери, Хисако, не были унаследованы плодом, поскольку ее собственная мать подверглась облучению, когда Соединенные Штаты Америки сбросили атомную бомбу на японский город Хиросиму. И потому проба околоплодной жидкости, взятая у Хисако, была, еще до отъезда из Токио, отправлена на анализ – на предмет обнаружения предпосылок возможной ненормальности ребенка. Жидкость эта, кстати сказать, по содержанию соли была идентична океанским водам, в пучину которых предстояло кануть «Bahia de Darwin».

Анализы показали, что плод развивается нормально.

Они же открыли пол будущего ребенка. Ему предстояло войти в мир крохотной девочкой – еще один женский персонаж в этом рассказе.

При всем том анализы были не в состоянии выявить мелкие отклонения в развитии плода. К примеру, что ребенок может родиться без музыкального слуха, подобно Мэри Хепберн (что в действительности было вовсе не так). Или что тельце его вместо кожи может оказаться покрытым чудесной шелковистой шерсткой, как у морского котика, – что в результате и произошло.

Этой милой, хотя и пушистой крошке суждено было стать единственным человеческим дитящем *Зенджи Хирогуши, которого тому не суждено было увидеть воочию.

Девочке предстояло родиться на острове Санта-Росалия, самой северной оконечности Галапагосского архипелага. Ее должны были назвать Акико.

По достижении зрелости на Санта-Росалии Акико предстояло изнутри стать точной копией своей матери, отличаясь от последней кожным покровом. Эволюционная же цепочка от «Гокуби» до «Мандаракса», напротив, являла собой коренное изменение внутреннего устройства при почти неощутимых изменениях в оболочке. Акико выросла защищенной от солнечных ожогов, холода во время плавания в воде и шероховатости лавы, когда она решала посидеть или полежать, – тогда как голая кожа ее матери была совершенно беззащитна перед лицом этих обычных неудобств островного существования. А «Гокуби» и «Мандаракс», несмотря на внутреннее различие, были заключены в почти одинаковые раковины из высокопрочного черного пластика двенадцати сантиметров в высоту, восьми в ширину и двух в толщину.

Любой дурак сразу видел разницу между Акико и Хисако, но только специалист сумел бы отличить «Гокуби» от «Мандаракса».

Как у «Гокуби», так и у «Мандаракса» на задней стенке находилось множество кнопок, при помощи которых человек мог общаться с тем, что было заключено внутри того и другого. На передней панели обоих располагался один и тот же экран, на котором появлялось изображение и который выполнял помимо этого функцию солнечной батареи, заряжая крошечные аккумуляторы – опять же одинаковые для обоих.

В верхнем правом углу экрана и у того, и у другого имелся микрофон размером с булавоочную головку. Благодаря ему «Гокуби» и «Мандаракс» улавливали устную речь и затем, в соответствии с командами, поступающими от кнопок, переводили услышанное в слова, появлявшиеся на экране.

Оператору, работающему на обоих устройствах, приходилось проявлять быстроту и ловкость рук фокусника, если он желал, чтобы беседа на двух разных языках протекала сколько-нибудь естественно. Случись мне, к примеру, разговаривать по-английски с португальцем – я должен был бы держать микрофон поближе ко рту собеседника, но в то же время так, чтобы экран находился перед моими глазами и позволял читать перевод его высказываний на английский язык. После чего мне приходилось бы поспешно развернуть аппарат на 180 градусов, чтобы микрофон уловил мои слова и в то же время португальцу был виден появляющийся на экране перевод.

Ни один из ныне живущих людей не обладает столь умными руками и столь крупным мозгом, чтобы пользоваться «Гокуби» или «Мандараксом». Равно как никому из них не дано вдевать нитку в иглу, а также играть на пианино или хотя бы просто ухватить себя за нос.

«Гокуби» мог переводить всего на десяток разных языков. «Мандаракс» – на тысячу. «Гокуби» требовалось сказать, на каком языке к нему обращаются. «Мандаракс» же по нескольким словам мог распознавать каждый из тысячи известных ему языков и принимался переводить на язык оператора без всякой команды со стороны последнего.

Оба устройства были очень точными часами и календарями. Так, погрешность часов более совершенного детища *Зенджи Хирогуши, «Мандаракса», составила всего восемьдесят две секунды за период в тридцать один год – с их прибытия в отель «Эльдорадо» и до того момента, когда аппарат вместе с Мэри Хепберн был проглочен гигантской белой акулой.

«Гокуби» отмерял время с той же точностью, однако в остальном «Мандаракс» оставлял своего предшественника далеко позади. Он не только изъяснялся на в сто раз большем, чем его предтеча, числе языков и умел ставить правильный диагноз в отношении большего числа болезней, чем большинство врачей того времени, – но и мог по требованию перечислить все важные события, случившиеся в том или ином году. Скажем, стоило вам набрать на его задней панели «1802», год рождения Чарльза Дарвина, – и «Мандаракс» сообщал, что в том же году родились Александр Дюма и Виктор Гюго; Бетховен завершил свою Вторую симфонию; Франция подавила негритянское восстание в Санто-Доминго; Готтфрид Треверанус ввел в употребление термин «биология»; в Англии был принят Закон о защите здоровья и морали учеников и так далее и тому подобное. Наконец, в том же году Наполеон стал президентом Итальянской Республики.

«Мандаракс» знал также правила двухсот различных игр и мог процитировать изложенные мастерами основные принципы пятидесяти видов искусства и ремесел. Сверх того он был способен по команде выдать любую из заложенных в него двадцати тысяч популярных литературных цитат. Так что, стоило набрать с помощью клавиш слово «Закат», как на его экране тут же появилось бы прочувствованное четверостишие:

Закат, вечерняя звезда
И внятный зов сквозь шум!
И если б не стнала мель, когда
Я в море выхожу.

Альфред, лорд Теннисон (1809–1892)

Гениальному изобретению *Зенджи Хирогуши, «Мандараксу», предстояло провести тридцать один год на Санта-Росалии, вместе с беременной женой его изобретателя, а также Мэри Хепберн, слепой Селеной Макинтош, капитаном Адольфом фон Кляйстом и еще шестью людьми, особями женского пола. Но в тех конкретных обстоятельствах реального проку от «Мандаракса» было немного.

Беспольность заложенных в компьютер знаний впоследствии так разъярила капитана, что тот угрожал бросить его в океан. И в последний день своей жизни, когда ему шел восемьдесят седьмой, а Мэри восемьдесят первый год, капитан и впрямь исполнил свою угрозу. Можно сказать, что его финальным актом в качестве нового Адама стал бросок Яблока познания в синие морские глубины.

* * *

В тех специфических условиях, которые существовали на Санта-Росалии, медицинские рекомендации «Мандаракса» неизбежно звучали как издевка. Когда Хисако Хирогуши впала в глубокую депрессию, продлившуюся до самой ее смерти, то есть около двадцати лет, «Мандаракс» советовал ей завести новые хобби и знакомства, сменить обстановку и по возможности профессию и принимать литиум. Когда у Селены Макинтош в возрасте всего тридцати восьми лет начали отказывать почки, он настоятельно рекомендовал как можно скорее подыскать подходящего донора для пересадки одной из них. Пушистая дочка Хисако, Акико, в шесть лет слегла с воспалением легких, подхваченным, по всей видимости, от морского котика, бывшего ее лучшим другом, – на что компьютер прописал ей антибиотики... В те времена Хисако и слепая Селена жили вместе, растя Акико, почти как муж и жена.

В ответ на просьбу привести цитату из мировой литературы, которую можно было бы использовать во время празднования какого-либо торжественного события на этой гряде шлака, Санта-Росалии, «Мандаракс» почти неизменно выдавал всякую ерунду. Вот, к примеру, что пришло ему на ум после того, как Акико в двадцать четыре года родила дочь, столь же пушистую, как она сама, – первую представительницу второго поколения человеческих существ, которым суждено было родиться на острове:

Будь я распят на высоком холме —
Мати моя! О мати моя!
Знаю, чье сердце пробьется ко мне, —
Мати моя! О мати моя!

Редьярд Киплинг (1865–1936)

и еще:

С утробы темной, где возник,
Всю жизнь я – матери должник.
Те месяцы, что носят плод,
Она мою питала плоть.
И каждый взгляд и вздох мой пьет
Жизнь матери...

Джон Мейсфилд (1878–1967)

и еще:

Господь, ссудивший людям груз
Трудов и радостных забот!
Благодарим за прочность уз,
Что связывают мать и плод.

Уильям Каллен Брайант (1794–1878)

и еще:

Почитай отца твоего и мать твою,
чтобы продлились дни твои на земле,
которую Господь, Бог твой, даст тебе.

Библия

Отцом дочери Акико был старший сын капитана, Камикадзе. Стал он им всего тринадцати лет от роду.

14

За первые сорок один год существования на Санта-Росалии колонии, давшей начало всему нынешнему человечеству, ей предстояло отпраздновать много рождений – без единого официального бракосочетания. Образование пар происходило с самого начала. Хисако и Селена сошлись и прожили вдвоем до конца жизни. Капитан прожил в паре с Мэри Хепберн десять лет – покуда та не совершила нечто, по его убеждению, совершенно непростительное, а именно использовала его сперму без его на то одобрения. Шесть остальных женщин, живя одной семьей, также образовали пары внутри этого и без того весьма тесного сообщества.

К моменту заключения в 2027 году первого на Санта-Росалии брака между Камикадзе и Акико первому поколению колонистов суждено уже было в полном составе исчезнуть в волнующемся голубом туннеле, ведущем в загробную жизнь, а «Мандараксу» – покоиться, облепленному ракушками, на дне Тихого океана. Если бы компьютер еще находился с ними, он бы наверняка припомнил к случаю пару пренеприятнейших высказываний о браке, скажем:

Брак – общность, состоящая
из рабовладельца, рабовладелицы
и пары рабов; и все это в двух лицах.

Амброз Бирс (1842—?)

и

Брак из любви, как уксус из вина —
Тоскливый, кислый, трезвый, – цедит время,
Небесный низводя букет злорадно
До кухонной приправы заурядной.

Лорд Байрон (1788–1824)

и так далее.

Последний в истории Галапагосов, а стало быть, и всей Земли, брак был заключен на острове Фернандина в 23011 году. Сегодня никто не имеет ни малейшего представления, что такое брак. Должен сказать, что цинизм «Мандаракса» в отношении этого института, когда тот еще переживал пору расцвета, был по большей части оправдан. Мои собственные родители сделали друг друга несчастными, женившись. Да и Мэри Хепберн, будучи уже в преклонном возрасте, на Санта-Росалии, как-то раз призналась пушистой Акико, что они с Роем были, вероятно, единственной счастливой супружеской парой на весь Илиум.

Мучительность брака в те времена объяснялась той же причиной, что и множество других несчастий разного рода: переразвитым мозгом. Этот громоздкий компьютер носил в себе столько противоречивых мнений о множестве разных предметов одновременно и так быстро

переключался с одного мнения или предмета на другие, что спор между мужем и женой, находящимися в состоянии стресса, часто выливался в подобие потасовки на роликовых коньках с завязанными глазами.

Например, супруги Хирогуши, чьи голоса доносились до Мэри сквозь перегородку стенового шкафа в отеле, в продолжение беседы изменяли свое мнение о себе самих, любви, сексе, работе и мире в целом с быстротой молнии.

В какую-то секунду Хисако приходило на ум, что ее муж безнадежно туп и ей самой придется позаботиться о спасении своей жизни и еще не родившейся дочери. Но в следующий миг она вновь верила, что он гениален, как о том говорили все окружающие, что ей не о чем беспокоиться и что он с легкостью и очень скоро сумеет вызволить их из этой передраги.

*Зенджи же то проклинал про себя жену за ее беспомощность, за то, что она просто мертвый груз у него на шее, – то спустя мгновение давал себе зарок погибнуть за эту богиню и ее не родившуюся пока дочь.

Какой прок был в этой эмоциональной шаткости – не сказать сумасшествию – животным, которые предположительно должны были прожить вместе хотя бы настолько долго, чтобы вырастить детеныша, – что занимает у людей порядка четырнадцати лет?

Посреди наступившей тишины *Зенджи вдруг услышал собственный голос.

– Тебя беспокоит что-то другое, – он имел в виду, что вот уже довольно долгое время ее терзает нечто большее, чем просто переплет, в который они попали.

– Нет, – ответила она. Это было еще одно свойство крупных мозгов: они с легкостью делали то, чего ни при каких обстоятельствах не умел «Мандаракс» – а именно вновь и вновь прибегали ко лжи.

– Нет, все-таки тебя уже неделю как что-то тревожит, – настаивал он. – Отчего ты не хочешь высказать свои страхи? Скажи мне, в чем дело?

– Ни в чем, – упорствовала та. (Ну кто, скажите, согласился бы провести четырнадцать лет в общении с подобным компьютером в неведении, говорит ли тот правду или нет?)

Они вели беседу по-японски, а не на том идиоматическом американском варианте английского языка, которым пользуюсь я на протяжении всего своего повествования. При этом *Зенджи нервно перекладывал «Мандаракс» из одной руки в другую и случайно настроил его таким образом, что тот принялся переводить все, сказанное каждым из них, на язык навахо.

– Что ж, если тебе так нужно знать... – проговорила наконец Хисако. – Еще на Юкатане я как-то играла с «Мандараксом» на борту «Ому». (Так звалась яхта *Макинтоша, в сто метров длиною.) Ты нырял за затонувшими сокровищами. (Действительно, *Макинтош, хотя *Зенджи едва умел плавать, подбил того нырять в акваланге и доставать с затонувшего на глубине сорока метров испанского галеона разбитую посуду и пушечные ядра. Его дочь Селена также была вынуждена нырять, привязанная трехметровым нейлоновым шнуром за правое запястье к правой щиколотке отца...) А я тем временем открыла, что «Мандаракс» умеет кое-что такое, о чем ты забыл мне рассказать. Не хочешь угадать, что именно?

– Не знаю, – отвечал ей супруг. На сей раз настала его очередь лгать.

– Оказывается, «Мандаракс» прекрасно умеет обучать искусству составления букетов, – продолжила она. Это было именно то, чем она, разумеется, очень гордилась. Однако ее чувство собственного достоинства сильно пошатнулось в результате открытия, что какая-то ничтожная черная коробочка не только может учить тому, чему учит она, но и делает это на тысяче разных языков.

– Я думал тебе об этом сказать. Как раз собирался... – произнес он. Это была еще одна ложь, поскольку вероятность того, что жена сумеет прознать о знакомстве «Мандаракса» с икебаной, всегда казалась ему столь же немислимой, как и ее способность отгадать шифр банков-

ского сейфа. Она весьма неохотно обучалась работе с «Мандараксом» – и сохранит это отношение к нему до самой смерти.

Но будь я проклят, если она и впрямь, перебирая клавиши компьютера на борту «Ому», не нажала их случайным образом так, что «Мандаракс» вдруг сообщил ей, что самые красивые композиции с цветами включают один, два, самое большее – три элемента. В тех, что состоят из трех элементов, продолжал компьютер, все три или два из них могут быть одинаковы, но все три быть разными не могут ни в коем случае. Далее «Мандаракс» сообщил ей идеальные соотношения между высотой элементов в композициях, включающих более одного компонента, а также между элементами композиции и диаметром и высотой ваз или кувшинов, а иногда и корзин.

Икебана оказалось столь же легко переводима на машинный язык, как и современная медицинская практика.

*Зенджи Хирогуши не сам обучил «Мандаракс» икебана и всему, что тот знал. Он поручил это младшему техническому персоналу. Сотрудник, которому было поручено познакомиться компьютер с икебаной, недолго думая записал знаменитые уроки Хисако на магнитофон и затем в сжатом виде вложил их в мозг машины.

*Зенджи заявил Хисако, что обучил «Мандаракс» икебана, чтобы сделать приятный сюрприз госпоже Онассис, которой он намеревался подарить свое изобретение в последний день «Естествоиспытательского круиза века».

– Я сделал это специально для нее, – объяснил он, – потому что она считается ценительницей всего прекрасного.

На сей раз это была правда, однако Хисако ему не поверила. Вот до какой степени ужасно все было в 1986 году. Никто никому уже не верил – столько лжи стало вокруг.

– Да, конечно, – отозвалась Хисако. – Я уверена, что ты сделал это ради госпожи Онассис. А также чтобы почтить свою жену. Ты поместил меня среди бессмертных. (Она имела в виду корифеев мысли, которых цитировал «Мандаракс».)

Она уже всерьез озлобилась и теперь стремилась принизить его достижения, так как он, по ее убеждению, опошил ее дарование.

– Я, видимо, ужасно тупая, – вновь заговорила она, и «Мандаракс» слово в слово перевел это заявление на письменный навахо. – Я непростительно долго не могла осознать, сколько злого умысла и сколько презрения содержится во всем, что ты делаешь... Вы, доктор Хирогуши, – продолжала она, – полагаете, что все остальные попусту занимают место на этой планете, создают слишком много шума, расходуют ценные природные ресурсы, оставляют после себя слишком много детей и мусора. Поэтому Земля стала бы гораздо более приятным местом, если бы те немногие простые услуги, которые мы все оказываем вам подобным, взяли бы на себя машины. Ваш расчудесный «Мандаракс», которым вы сейчас чешете свое ухо, – что это, как не способ для злобного маньяка-эгоиста не платить и даже не говорить спасибо людям, знающим языки, математику, историю, медицину, литературу, икебану или еще что бы то ни было?

Я уже излагал свое мнение о причинах существовавшей в то время мании перелгать на плечи машин все – буквально *все*, – что умели делать люди. Хочу лишь добавить, что мой отец, писатель-фантаст, однажды написал роман о человеке, над которым все потешались, поскольку тот изобретал спортивных роботов. Скажем, робота для гольфа, одним ударом посылавшего шар в лунку, или робота-баскетболиста, после каждого броска которого мяч оказывался в корзине, или робота-теннисиста, выигрывавшего любую подачу, и так далее.

Поначалу никто не видел смысла в подобных роботах. Жена изобретателя бросила его – как, кстати сказать, ушла от отца его половина, – а дети пытались засадить отца в дурдом. Но затем тот подкинул рекламодателям мысль, что его роботы могут рекламировать автомобили, пиво, бритвы, наручные часы, духи – все, что угодно. И, как описывал мой отец, сколотил состояние, так как многие поклонники спорта захотели быть в точности такими, как эти роботы.

Не спрашивайте меня почему.

15

*Эндрю Макинтош между тем находился в комнате своей слепой дочери в ожидании телефонного звонка – того самого, что должен был принести ему добрую весть, которой он рассчитывал потом поделиться с четою Хирогуши. Он умел бегло говорить по-испански и весь день просидел на телефоне, ведя переговоры со своей фирмой в Манхэттене и с перепуганными эквадорскими финансистами и официальными деятелями. Все эти дела он обдeldывал в комнате дочери, поскольку хотел, чтобы та слышала, чем он занят. Отец и дочь были очень близки. Матери своей Селена не знала, так как та умерла при родах.

Сейчас Селена, с ее бессмысленными зелеными глазами, представляется мне экспериментом природы – ибо слепота ее была наследственной, и она, в свою очередь, тоже могла передать ее своим детям. Тогда, в Гуаякиле, ей было восемнадцать лет. Лучшие годы, с точки зрения воспроизводства, были у нее впереди. Ей будет всего двадцать восемь, когда Мэри Хепберн, уже на Санта-Росалии, спросит, не согласится ли она участвовать в незаконных экспериментах со спермой капитана. Селена откажется. Но сумеет ли она найти в своей слепоте некие преимущества, она вполне могла бы передать их дальше по наследству.

Там, в Гуаякиле, слушая, как ее патологически общительный отец устраивает дела по телефону, юная Селена и вообразить не могла, что судьбою ей предначертано спариться с Хисако Хирогуши, находящейся в двух комнатах от нее, и растить вместе с японкой пушистое чадо.

Тогда, в отеле, она жила вдвоем с отцом, владевшим, казалось, всем миром, который мог делать все, что ему было угодно, когда угодно и где угодно. Большой мозг ее внушал ей, что она проживет свою жизнь приятно и без забот внутри некоего электромагнитного поля, создаваемого вокруг нее неукротимой индивидуальностью ее отца. Поле это будет защищать ее и после его смерти – даже когда настанет его черед ступить в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь.

Покуда я не забыл: на Санта-Росалии слепота Селены обернулась для нее одним преимуществом над остальными. Преимуществом, которое доставляло ей самой огромную радость, однако вряд ли заслуживало того, чтобы быть переданным по наследству.

Как никто на острове, Селена наслаждалась осязанием пушистой шкурки маленькой Акико.

*Эндрю Макинтош заявил финансовой верхушке Эквадора, что готов немедленно перевести на имя любого доверенного лица пятьдесят миллионов американских долларов, все еще ценившихся на вес золота. Большая часть богатств, которыми предположительно обладали американские банки, к тому моменту стали настолько воображаемыми, невесомыми и неосязаемыми, что любую сумму можно было мгновенно перевести в Эквадор или любое другое место, где способны были принять письменный перевод по кабельной или волновой связи.

И вот теперь *Макинтош ожидал из Кито сообщения о том, какую недвижимость эквадорцы, также немедленно, готовы перевести на имя его самого, его дочери и супругов Хирогуши в обмен на названную сумму.

Это были даже не его собственные деньги. Он попросил заем – в чем бы тот ни выразался – в Чейз-Манхэттен Банке. Там это нечто – в чем бы оно ни выразалось – сумели найти и ссудить ему.

И, осуществившись эта сделка, Эквадор получил бы возможность разослать кусочки этого миража по кабелю или по телекоммуникациям в более плодородные страны и получить взамен настоящее продовольствие. После чего эквадорцы съели бы его подчистую – поглотили, пожрали с чавканьем, – и от него не осталось бы ничего, кроме экскрементов и воспоминаний. И что ожидало бы маленький Эквадор затем?

Позвонить *Макинтошу должны были ровно в половине шестого. Ждать оставалось еще полчаса, и он заказал в номер две порции приготовленного редкостным образом филе с разнообразным гарниром. В «Эльдорадо» еще имелась масса чудесной еды, запасенной для участников «Естествоиспытательского круиза века», в особенности для госпожи Онассис. В это самое время солдаты протягивали колючую проволоку на расстоянии квартала от отеля, обнося его ею по всему периметру – для защиты продовольственных запасов.

То же самое происходило на причале. Колючей проволокой ограждалось место прикола «Bahia de Darwin», на борту которого, как было известно всем в Гуаякиле, находилось достаточно провизии, чтобы в течение двух недель готовить изысканные завтраки, обеды и ужины – ни разу при этом не повторяясь – для сотни пассажиров. Любому, кто произвел бы простейший арифметический подсчет, могла при виде этого корабля прийти в голову мысль: «Я сам, мои жена и дети, мои отец с матерью так голодаем, а там, на борту, четыре тысячи двести порций, да таких, что пальчики оближешь».

Коридорный, принесший в номер Селены и ее отца две порции филе, уже произвел в своем уме подобные подсчеты, а также составил опись всей вкусной снеди, хранящейся в кладовой отеля. Самого его голод пока не мучил, так как персонал отеля кормили по-прежнему. Семейство его, небольшое по эквадорским меркам, состоявшее из его беременной жены, ее матери, его отца и племянника-сироты, которого они растили, покуда тоже не голодало. Как и все остальные служащие, он крал для своих близких еду из отеля.

Коридорным этим был Хесус Ортис, молодой бармен, потомок инков, который незадолго до этого обслуживал Джеймса Уэйта в баре. Он вынужден был перейти на службу коридорным под давлением *Зигфрида фон Кляйста, управляющего, который, в свою очередь, занял его место за стойкой. Штат отеля внезапно оказался недоукомплектованным. Двое обычных коридорных словно испарились. Это, быть может, было и неплохо, поскольку особенно напряженной работы по доставке заказов в номера ожидать не приходилось. Возможно, эти двое просто тихо спали где-нибудь.

Итак, эти две порции бифштекса дали прекрасную пищу для большого мозга Ортиса, покуда тот забирал их на кухне, поднимался на лифте и шел по коридору к номеру Селены и ее отца. До сих пор служащие отеля не позволяли себе есть и воровать столь вкусную пищу. И гордились этим. Самое лучшее они хранили для «сеньоры Кеннеди» – то есть госпожи Онассис, – как они обобщенно именовали всю знаменитую, богатую и влиятельную публику, прибытие которой еще ожидалось для участия в круизе.

Мозг Ортиса был столь разросшимся, что в голове его прокручивались целые киноленты, в которых он и его близкие играли роли миллионеров. И этот человек, почти юноша, был так простодушен, что верил, будто мечта его может сбыться, – ибо он не имел дурных привычек и был готов трудиться не покладая рук, получи он хоть какой-то намек на возможный жизненный успех от тех, кто уже стал миллионером.

Он попытался, правда, без особого результата, вытянуть полезный совет из Джеймса Уэйта, который, несмотря на маловпечатляющий вид, являлся, как с уважением заметил в баре Ортис, обладателем бумажника, набитого кредитными карточками и двадцатидолларовыми банкнотами.

Подобные же мысли роились у него в голове в связи с двумя бифштексами, когда он стучался в дверь номера Селены и ее отца: люди, находившиеся там, внутри, заслуживали этих деликатесов – и он тоже будет заслуживать, став миллионером. А был он молодым человеком, смышленным и предприимчивым. Работая в разных отелях Гуаякиля с десятилетнего возраста, он научился бегло изъясняться на шести языках – что превышало половину языков, известных «Гокуби», было вшестеро больше, чем знали Джеймс Уэйт и Мэри Хепберн, втрое больше, чем знали супруги Хирогуши, и вдвое – чем Селена и ее отец. Он умел также хорошо готовить и печь и окончил курс бухгалтерского учета и делового законодательства в вечерней школе.

Так что, когда Селена открыла ему, он был склонен восхищаться всем, что увидит и услышит внутри. Ортису было уже известно, что зеленые глаза Селены слепы, а то нетрудно было бы обмануться. Ничто ни в ее поведении, ни во взгляде не выдавало слепоты. Она была так прекрасна, что под влиянием своего разросшегося мозга Ортис влюбился в нее.

*Эндрю Макинтош стоял перед просторным, во всю стену номера, окном, глядя поверх хлебей и трущоб на «Bahia de Darwin» – судно, которое, по его ожиданиям, еще до захода солнца должно было перейти в собственность к нему, Селене или, возможно, супругам Хирогуши. Человеком, который должен был позвонить ему в полшестого, был Готтфрид фон Кляйст, президент правления крупнейшего эквадорского банка, дядя управляющего «Эльдорадо» и капитана «Bahia de Darwin», совладелец – на паях со своим братом Вильгельмом – и корабля, и отеля.

Когда Ортис вошел с двумя порциями филе, *Макинтош обернулся, продолжая репетировать в уме фразу, которую он первым делом собирался сказать по-испански Готтфриду фон Кляйсту: «Дорогой коллега, прежде чем вы сообщите мне остальные приятные известия, дайте ваше честное слово, что сейчас я люблюсь моим собственным кораблем с верхнего этажа своего собственного отеля».

*Макинтош был разут, и на нем не было ничего, кроме шортов цвета хаки, ширинка которых была расстегнута и под которыми больше ничего не было – так что член его являл собою не большую тайну, чем маятник на дедушкиных часах.

Да, здесь я позволю себе прерваться, чтобы подивиться тому, как мало был этот человек заинтересован в продолжении рода – будучи при этом великолепным образцом в биологическом отношении, – несмотря на свою эксгибиционистскую сексуальность и маниакальное стремление овладевать как можно большим количеством систем жизнеобеспечения на планете. Самые знаменитые накопители средств выживания в те времена, что характерно, имели весьма немногочисленное потомство. Разумеется, были и исключения. Те же, кто имел много отпрысков и кто, как можно было бы ожидать, стремился накопить побольше собственности для их благополучия, обыкновенно выращивали детей психическими уродами. Наследники их по большей части оказывались некими зомби, которых с легкостью обирали другие мужчины и женщины, столь же алчные, как родитель первых, оставивший своим чадам слишком много всего, в чем только может когда-нибудь нуждаться человеческая особь.

*Эндрю Макинтошу безразлична была даже его собственная жизнь – свидетельством чему является его увлечение парашютным спортом, гонками на скоростных автомобилях и тому подобным.

То есть я хочу сказать, что человеческий мозг стал в ту эпоху фонтанирующим и безответственным генератором предположений относительно того, что можно сделать с собственной жизнью. В итоге забота о благе будущих поколений стала восприниматься как одна из множества произвольных игр для больших энтузиастов – вроде покера, поло, игр на рынке ценных бумаг или писания научно-фантастических романов.

Все большее число людей в ту пору – не только *Эндрю Макинтош – стали находить заботу о выживании человеческого рода смертельной тоской.

Гораздо увлекательнее было, так сказать, лупить и лупить по теннисному мячу.

Зрячая собака Селены, Казах, сидела возле тумбочки в ногах просторной кровати своей хозяйки. Это была немецкая овчарка. Она была настроена благодушно и могла чувствовать себя самой собою, поскольку ее не стесняли ошейник, поводок или намордник. Ее маленький мозг, следуя за запахом мяса, заставил ее взглянуть с надеждой коричневыми глазами на Ортиса и завилать хвостом.

В те времена собаки намного превосходили людей умением различать запахи. Благодаря открытому Дарвином закону естественного отбора ныне обоняние людей столь же остро, как было у Казаха. А в одном отношении оно даже превосходит собачье: люди чувят под водою.

Собаки же не умеют даже плавать под водою, хотя могли бы научиться этому за истекший миллион лет. Они умеют лишь по-прежнему валять дурака. Не научились даже ловить рыбу. И, вынужден признать, остальные представители животного мира также крайне незначительно продвинулись за все это время в смысле совершенствования тактики выживания – за исключением человека.

16

То, что *Эндрю Макинтош произнес при появлении Хесуса Ортиса, было столь оскорбительным и, на фоне распространяющихся по всему Эквадору голодных спазмов, столь опасным, что большой мозг американца и впрямь, очевидно, поражен был каким-то серьезным недугом – если только вообще наплевательское отношение к тому, что может произойти в следующий миг, можно считать признаком душевного здоровья. Тем показательнее, что жестокое оскорбление, адресованное им этому дружелюбному и добросердечному служащему отеля, не было преднамеренным.

*Макинтош был квадратным, среднего роста мужчиной. Голова его – коробка меньших размеров – покоилась на более крупногабаритной, а руки и ноги впечатляли своей толщиной. Он был таким же здоровяком, способным подолгу находиться вне дома, как и покойный муж Мэри Хепберн, однако в отличие от Роя был еще и большим охотником испытывать судьбу. Зубы у него были столь крупными и идеально белыми и он взглянул на вошедшего с такой улыбкой, что Ортису на ум тут же пришли белые клавиши рояля.

И с тою же белозубой улыбкой *Макинтош по-испански обратился к Ортису: «Снимите с тарелок крышки, поставьте бифштексы на пол для собаки и уберите».

Кстати, о зубах: ни на Санта-Росалии, ни в других человеческих колониях на Галапагосах сроду не водилось дантистов. Миллион лет назад обычного поселенца ожидала перспектива обеззубеть годам к тридцати, перенеся на этом пути не один головодробительный приступ зубной боли. А это, разумеется, ударяло не только по его (или ее) самолюбию – ибо с некоторых пор зубы, сидящие в челюстях, стали единственным орудием, оставшимся в распоряжении человека.

В самом деле. Ныне люди не располагают никакими иными орудиями, кроме собственных зубов.

У Мэри Хепберн и капитана, когда они очутились на Санта-Росалии, зубы, несмотря на то что обоим давно перевалило за тридцать, были в хорошем состоянии – благодаря регулярным визитам к стоматологу, который высверливал гниль, вычищал абсцессы и тому подобное. Однако умирали они уже беззубыми. Селена Макинтош, когда она, по соглашению с Хисако Хирогуши, покончила с собой, была еще так молода, что у нее сохранялось много зубов – хотя далеко не все. Хисако же к тому времени потеряла все свои зубы.

И если бы мне довелось дать критический отзыв о человеческом организме, каким он был миллион лет назад – в том числе и у меня, – словно речь идет о машинах, которые некто вознамерился выпустить на рынок, то у меня было бы два основных замечания. Одно из них я, несомненно, уже не раз делал на протяжении своего рассказа: «Мозг чересчур велик, чтобы быть практичным в использовании». Второе же я бы сформулировал следующим образом: «Вечно что-то не ладится с нашими зубами. Обычно их не хватает на срок, сопоставимый с продолжительностью жизни. Каким событиям в ходе эволюции должны мы быть благодарны за то, что вынуждены ходить с полным ртом крошащихся черепков?»

Было бы чудесно, если бы я мог сказать, что закон естественного отбора, оказавший человечеству столько услуг за весьма короткое время, позаботился о решении и этой проблемы. В некотором смысле так оно и произошло, однако решение это оказалось драконовским. Человеческие зубы не стали более долговечными. Просто средняя продолжительность жизни людей сократилась до тридцати лет.

А теперь вернемся в Гуаякиль, к тому мгновению, когда *Эндрю Макинтош велел Хесусу Ортису поставить на пол тарелки с мясом.

– Простите, что вы сказали, сэр? – переспросил Ортис по-английски.

– Поставьте их перед собакой, – повторил *Макинтош.

Тот повиновался – при этом большой мозг его пребывал в полном смятении, в корне пересматривая мнение Ортиса о себе самом, человечестве, прошлом и будущем, да и самой природе мироздания.

И не успел Ортис, обслужив собаку, распрямиться, как *Макинтош скомандовал снова:

– Теперь убирайтесь.

* * *

Даже сейчас, миллион лет спустя, мне больно писать о столь жестоких человеческих поступках. Миллион лет спустя мне все еще хочется извиниться за все человечество. Это все, что я могу сказать.

Если Селена была для Природы экспериментом в области слепоты, то ее отец являлся подобным же экспериментом в области бессердечия. Равно как Хесус Ортис – экспериментом в области преклонения перед богачами, я – экспериментом в области неутомимого соглядатайства, мой отец – экспериментом в области цинизма, моя мать – экспериментом в области оптимизма, капитан «Bahia de Darwin» – экспериментом в области безосновательной самоуверенности, Джеймс Уэйт – экспериментом в области бесцельной алчности, Хисако Хирогуши – экспериментом в области депрессии, Акико – экспериментом в области шерстистости и так далее.

Это напоминает мне один из романов моего отца, «Эра многообещающих монстров». В нем повествовалось о планете, населенной гуманоидами, которые до самого последнего мгновения игнорировали порожденные ими же самими угрозы их существованию. Так продолжалось до тех пор, пока – после уничтожения всех лесов, отравления водоемов кислотными дождями, а грунтовых вод промышленными отходами – у гуманоидов не начали рождаться дети с крыльями, рогами, плавниками, сотней глаз, вообще без глаз, с гипертрофированным

головным мозгом, без мозга и так далее. То были эксперименты Природы по созданию существ, которые, при должном везении, могли бы оказаться лучшими хозяевами планеты, чем гуманоиды. Большинство этих существ погибли, были застрелены или еще что-нибудь в этом роде, однако некоторые оказались поистине многообещающими, спарились между собою и дали подобное же потомство.

Я, в свою очередь, назвал бы «эрой многообещающих монстров» ту эпоху, в которую мне довелось жить миллион лет тому назад – со всеми чудовищными атрибутами этого романа, переведенными из плоскости телесной в моральную. В настоящее время подобных экспериментов – будь то с телами или душами – больше не ведется.

Переразвитый мозг людей той эпохи был способен не только на жестокость во имя жестокости. Благодаря ему они также могли ощущать любого рода боль, к которой низшие животные были абсолютно нечувствительны. Представитель никакой другой породы животных не мог чувствовать себя – как то чувствовал, спускаясь на лифте в вестибюль отеля, Хесус Ортис – покалеченными словами, которые произнес *Эндрю Макинтош. Ортис с трудом даже отдавал себе отчет, достаточно ли того, что от него осталось, для осмысленности его дальнейшего существования.

При этом мозг его был устроен так сложно, что внутри его черепа, перед мысленным взором вставали всевозможные картины, каких не дано было видеть низшим животным, – столь же чистые плоды человеческого воображения, как и те пятьдесят миллионов долларов, которые *Эндрю Макинтош готов был мгновенно перевести из манхэттенского банка в Эквадор, как только нужные ему слова прозвучат в телефонной трубке. Фантазия рисовала ему портрет сеньоры Кеннеди – Жаклин Кеннеди Онассис, – неотличимый от виденных им не раз изображений Девы Марии. Ортис был католиком. В Эквадоре все были католики. Католиками поголовно были фон Кляйсты. Даже каннибалы, жившие в экваториальных влажных лесах, неуловимые канка-боно, и те были католики.

Сеньора Кеннеди представлялась ему прекрасной, печальной, чистой, доброй и всемогущей. В воображении Ортиса, однако, она возглавляла сонм более мелких божеств, которые также должны были принять участие в «Естествоиспытательском круизе века», включая шестерых постояльцев, уже проживавших в гостинице. От любого из них Ортис ожидал только блага и предвкушал – как и большинство его соотечественников, покуда в стране не воцарился голод, – что приезд подобных гостей станет славной страницей в истории Эквадора. И потому их следует окружить всяческой роскошью, какая только вообразима.

И вот вдруг истинный облик одного из этих предположительно чудесных визитеров, *Эндрю Макинтоша, осквернил сложившийся в голове Ортиса мысленный портрет не только других младших божеств, но и самой сеньоры Кеннеди.

Теперь у этого поясного портрета выросли клыки, как у вампира, кожа слезла с лица, хотя волосы и сохранились, – и вместо Пресвятой Девы ему предстал ухмыляющийся череп, жаждущий чумы и гибели для маленького Эквадора.

Ортис никак не мог прогнать прочь эту леденящую кровь картину. Решив, что, быть может, ему удастся стряхнуть с себя жуткое видение выйдя на улицу, в ее палящий зной, он направился через вестибюль к выходу, не слыша обращенных к нему окриков *Зигфрида фон Кляйста, который находился в баре. Тот спрашивал подчиненного, что произошло, куда он идет и так далее. Ортис был лучшим служащим отеля, самым верным, находчивым и неизменно жизнерадостным, и *фон Кляйст им очень дорожил.

Детей у управляющего, кстати сказать, не было, хотя он и не был гомосексуалистом, сперма его выглядела под микроскопом замечательно и так далее. И вот почему: на пятьдесят процентов существовала вероятность, что он является носителем наследственной неисцели-

мой болезни головного мозга, неизвестной в наши дни и называвшейся хореей Хантингтона. Это был один из тысячи наиболее распространенных в те времена недугов, которые умел распознавать «Мандаракс».

Чистой воды везение картежника, что сегодня среди людей не осталось ни одного больного хореей Хантингтона. Подобной же случайности обязан был *Зигфрид фон Кляйст тем, что стал в свое время ее потенциальным носителем. Отец его узнал, что болен, лишь к середине своей жизни, когда уже успел породить двух отпрысков.

Это, разумеется, означало, что и старший, более высокий и импозантный брат *Зигфрида, Адольф, капитан «Bahia de Darwin», мог быть носителем недуга. Поэтому как *Зигфрид, который должен был уйти, не оставив по себе потомства, так и Адольф, которому предстояло впоследствии стать прародителем всего человеческого рода, – оба исходя из восхитительно бескорыстных побуждений – отказались участвовать миллион лет назад в биологически важном акте спаривания.

* * *

*Зигфрид и Адольф хранили в тайне возможный свой генетический дефект. Это умолчание, конечно, избавляло их от ненужных личных осложнений, но в то же время призвано было оградить их близких. Получи огласку то обстоятельство, что братья могут передать по наследству эту болезнь своим потомкам – всем остальным фон Кляйстам вряд ли можно было надеяться на удачный брак, несмотря на то что вероятность их заболевания была вовсе нулевой.

Дело заключалось в том, что недуг, если только они вообще носили его в себе, был унаследован братьями от их бабушки по отцовской линии, второй жены их деда, родившей единственного сына – их отца, эквадорского скульптора и архитектора Себастьяна фон Кляйста.

Насколько тяжелым было это заболевание? Ну, достаточно сказать, что это было хуже, чем родить ребенка, сплошь покрытого шерстью.

Более того: из всех ужасных болезней, известных «Мандараксу», хорей Хантингтона, возможно, была наихудшей. Она, несомненно, являла собой самый предательский и отвратительный сюрприз для человека. Обычно она тихо дожидалась своего часа, не поддаваясь выявлению никакими известными анализами, покуда несчастный, получивший ее по наследству, не достигал зрелого возраста. Отец братьев, к примеру, вел безоблачную производительную жизнь до пятидесяти четырех лет, когда он вдруг начал невольно приплясывать и ему стали являться видения. А затем он убил свою жену – факт, преданный замалчиванию. Полиция, получив сообщение об этом убийстве, замяла дело, списав все на бытовой несчастный случай.

* * *

Итак, двое братьев вот уже двадцать пять лет как ожидали, что в любой момент могут тронуться рассудком, пуститься в пляс и начать галлюцинировать. Шансов, что такое может произойти, у обоих было пятьдесят на пятьдесят. Случись такое хотя бы с одним из них – это послужило бы доказательством того, что недуг их может перейти по наследству к новому поколению. Если же любой из них дожил бы до преклонных лет так и не свихнувшись, это подтвердило бы, что он не является носителем болезни и что его потомки также избавлены от нее. В этом случае оказалось бы, что он давно мог бы безбоязненно размножаться.

Однако судьбе было угодно распорядиться так, что капитан оказался здоров, тогда как его брат – болен. По крайней мере бедному *Зигфриду хотя бы предстояло страдать недолго. Помешательство его началось, когда ему оставалось всего несколько часов жизни: в четверг, 27 ноября 1986 года. Он стоял за стойкой бара в «Эльдорадо», перед ним сидел Джеймс Уэйт, а

за спиной у него висел портрет Чарльза Дарвина, когда его самый надежный служащий, Хесус Ортис, прошел мимо бара к выходу, чем-то страшно расстроенный.

Именно в этот момент большой мозг *Зигфрида на миг погрузился в безумие, после чего опять вернулся к прежнему, нормальному состоянию.

На ранней стадии этой болезни – единственной, которую суждено было пережить несчастному, – он еще мог осознать в душе, что мозг его становится опасен, и усилием воли поддерживать видимость психического здоровья. Поэтому он не подал виду и попытался вернуться к своим обычным делам, завязав беседу с Уэйтом.

– Какова ваша профессия, мистер Флемминг? – спросил он. Слова эти, произнесенные *Зигфридом, мучительно отдались у него в ушах, точно он прокричал их во всю глотку в пустую железную трубу. Слух его стал болезненно чувствителен к звукам.

Ответ Уэйта, произнесенный мягким голосом, также резанул ему слух.

– Я служил инженером, – проговорил Уэйт, – но после смерти жены потерял интерес к этому занятию, да и вообще ко всему, по правде сказать. Полагаю, теперь можно сказать, что моя профессия – выживание.

Между тем Хесус Ортис, смертельно оскорбленный *Эндрю Макинтошем, вышел из отеля, намереваясь побродить по окрестностям, пока немного не успокоится. Однако вскоре он обнаружил, что благодаря солдатам и колючей проволоке весь прилегающий к отелю район превратился в санитарный кордон. Необходимость такого барьера, впрочем, была очевидна. Толпы людей всех возрастов по ту сторону ограждения не сводили с него глаз – столь же проникновенных, как у Казаха, – совершенно напрасно надеясь, что у него может найтись для них еда.

Оставшись внутри ограждения, он вновь и вновь обходил вокруг отеля, всякий раз при этом минуя открытую дверь прачечной. Там, внутри, на стене укреплена была серая стальная коробка. Он знал, что в ней: коммутатор, соединяющий телефоны отеля с внешним миром. Добропорядочный гражданин той эпохи, миллион лет назад, при виде такой коробки мог бы подумать: «Что соединено телефонной компанией, не имеет права разъединять ни один человек».

Именно это соображение возникало в мозгу Хесуса Ортиса. Никогда бы он не смог повредить коробку, столь важную для множества людей. Но человеческие мозги в ту пору были так велики, что стали поистине способны обманывать своих владельцев. Мозг Ортиса подстрекал его отключить все телефоны, еще когда он в первый раз проходил мимо двери прачечной. Мозг знал, что в душе его обладатель – убежденный противник антиобщественного поведения. Поэтому, дабы того не парализовало, мозг твердил ему: «Нет-нет, что ты, мы, конечно же, ни за что на это не пойдем».

На четвертом витке мозг Ортиса подтолкнул его пройти в прачечную, позаботившись при этом изобрести легенду на тот случай, если того спросят, что он там делает. Будучи добропорядочным гражданином, он пришел искать зеленые брюки одной из постоялиц, Мэри Хепберн, канувшие накануне вечером, по всей видимости, в иную галактику.

Он открыл коробку и порвал все провода. Всего за несколько секунд типичный для той эпохи человеческий мозг превратил лучшего гражданина Гуаякиля в безумного террориста.

17

На острове Манхэттен рекламщик-профессионал среднего возраста созерцал крах своего шедевра – «Естествоиспытательского кризиса века». Он только что переехал в свой новый офис в опустевшем помещении под самым сводом здания Крайслера, где ранее размещался

выставочный зал фирмы по изготовлению арф, которая обанкротилась, как Илиум и Эквадор, Филиппины и Турция и так далее. Звали его Бобби Кинг.

Он находился в том же часовом поясе, что и Гуаякиль, и линия, опущенная строго на юг из глубокой складки на его брови, уперлась бы в еще более глубокую складку, расщепленную бровь *Эндрю Макинтоша. Тот в Гуаякиле пытался криком вдохнуть жизнь в отключенный телефон. С равным успехом *Макинтош мог бы прижимать к своей квадратной голове чучело галапагосской морской игуаны и все требовательней орать: «Алло! Алло!»

У Бобби Кинга же на столе и впрямь стояло чучело игуаны, и он не раз развлекал того или иного посетителя тем, что, притворившись, будто перепутал чучело с телефоном, подносил его к уху и произносил: «Алло! Алло!»

Однако теперь ему, конечно, было не до шуток. По-своему он сделал не меньше, чем Чарльз Дарвин, для прославления Галапагосских островов – ведя на протяжении десяти месяцев пропагандистскую и рекламную кампанию, которая сумела убедить людей в том, что первому плаванию «Bahia de Darwin» предстоит стать в самом деле «Естествоиспытательским круизом века». В ходе этой кампании он сделал знаменитостями различных обитателей архипелага: бескрылых бакланов, синелопых олуш, вороватых птиц-фрегатов и еще и еще многих.

Заказчиками кампании были министерство туризма Эквадора, авиакомпания «Экваториана эйрлайнз» и владельцы отеля «Эльдорадо» и «Bahia de Darwin» – дядя по отцовской линии *Зигфрида и Адольфа фон Кляйст. Ни управляющему отелю, ни капитану, впрочем, не приходилось заботиться о хлебе насущном. Они, благодаря наследству, и без того были сказочно богаты, но считали, что все равно должны чем-то заниматься.

Теперь Кингу представлялось очевидным, хотя никто ему еще ничего не сообщал, что все труды его пропали впустую и «Естествоиспытательскому круизу века» состояться не суждено.

Что касается чучела морской игуаны на его столе, то он сделал эту рептилию тотемическим символом круиза, поместив ее изображение по обе стороны от носа «Bahia de Darwin» и, в качестве эмблемы, на всех объявлениях и рекламных листовках.

В действительности же это была тварь, достигавшая порою в длину метра с лишним и выглядевшая не менее пугающе, чем китайский дракон. Однако на деле она была для любых форм жизни – не считая водорослей – не опаснее ливерной колбасы. Сегодня она ведет тот же образ жизни, что и миллион лет тому назад, а именно: у нее нет врагов, поэтому она сидит на месте, вперясь в никуда, ничего не желая, ни о чем не беспокоясь – пока не проголодается. Тогда она сползает к океанской воде и пускается вплавь, медленно и не слишком умело. Удалившись от берега на несколько метров, она погружается, как подводная лодка, и набивает брюхо водорослями, пока еще непригодными для пищеварения и требующими обработки.

Потом игуана выныривает, плывет на берег и снова усаживается на застывшей лаве, под солнцем. Используя себя в качестве кастрюли для тушения, она раскаляется все жарче в солнечных лучах – в то время как водоросли тушатся у нее внутри. При этом она, как и прежде, продолжает глядеть прямо перед собой, в никуда – с той единственной разницей, что теперь изо рта ее время от времени выплескивается нагревающаяся морская вода.

За тот миллион лет, что я провел на архипелаге, закон естественного отбора оказался не в силах ни усовершенствовать, ни ухудшить эту систему выживания.

Кингу было известно, что шесть человек все-таки приехали в Гуаякиль и находились в данный момент в отеле «Эльдорадо», не потеряв еще надежды отправиться в «Естествоиспытательский круиз века». Это также было для него некоторым потрясением. Он полагал, что те, кто самостоятельно заказывал туда билеты, наверняка остерегутся приезжать, поскольку вести из Эквадора были столь тревожными.

Он знал имена всех шестерых. Одно из них – канадца Уилларда Флемминга – абсолютно ничего ему не говорило. Речь шла, разумеется, о Джеймсе Уэйте. Кингу было невдомек, как тот

оказался в списках пассажиров, который, как предполагалось, – за исключением Мэри Хепберн и японского ветеринара с женой – должен был состоять сплошь из журналистов и влиятельнейших законодателей моды.

Кинга удивило, что Мэри Хепберн приехала без мужа. Он не знал, что Рой скончался. Ему было кое-что известно о Хепбернах, хотя те и были полными «ником» в списке, состоявшем сплошь из одних знаменитостей, поскольку эта пара была первой, кто пожелал забронировать места для участия в «Естествоиспытательском круизе века». Это было еще в то время, когда Кинг имел основания сомневаться, что хоть одна настоящая знаменитость действительно соблазнится перспективой отправиться в это путешествие.

Когда Хепберны забронировали места, Кинг даже подумывал о том, чтобы сделать из них своего рода мини-знаменитостей, сняв их в различных шоу, опубликовав их интервью в газетах и так далее. Он ни разу не встречался с ними, но беседовал с Мэри по телефону, надеясь – вопреки ожиданию – разведать о них что-нибудь интересное, хотя те и находились на самой ординарной службе в заштатном промышленном городишке, уровень безработицы в котором был самым высоким в стране. У кого-то из них двоих могли обнаружиться знаменитые предки или родственники, либо Рой мог оказаться героем какой-нибудь войны, либо, может статься, они выигрывали в лотерею, а то и, глядишь, пережили нечто трагическое – словом, что-нибудь в этом роде.

Вот как протекал тогда, в январе, разговор Кинга с Мэри:

– Ну... я дальняя родственница Дэниела Буна, – сообщила она. – Моя девичья фамилия тоже Бун, и я родом из Кентукки.

– Отлично! – воскликнул Кинг. – Вы приходите к нему прапраправнучкой или кем?

– Да нет, не думаю, чтобы я была столь прямой его наследницей, – разочаровала она его. – Я никогда не придавала этому особого значения, а значит, и не докапывалась до истины.

– Но вы же сами сказали, что ваша девичья фамилия Бун...

– Да, но это чистой воды совпадение. Мой отец носил фамилию Бун, не состоя при этом ни в каком родстве с Дэниелом Буном. Я прихожусь ему родственницей по материнской линии.

– Если ваш отец носил фамилию Бун и жил в Кентукки, то он просто обязан так или иначе состоять в родстве с Дэниелом Буном, вам не кажется? – не унимался Кинг.

– Вовсе не обязательно, – парировала она. – Потому что его отец был объездчик лошадей из Венгрии по имени Миклош Гёмбёш, которое он затем заменил на Майкл Бун.

Касательно их возможных наград и почетных званий Мэри отвечала, что, хотя Рой, безусловно, заслужил их своей самоотверженной работой на «ДЖЕФФКо», в этой компании не принято присуждать подобного никому, кроме высших руководителей.

– А военные награды? Ничего такого?.. – поинтересовался он.

– Он служил на флоте, – сказала она. – Но не сражался.

Случись Кингу позвонить на три месяца позже и наткнуться на самого Роя – он, несомненно, услышал бы массу интересного о трагическом героизме, который тот проявил в ходе испытаний атомной бомбы на тихоокеанском атолле.

– У вас есть дети? – полюбопытствовал Кинг.

– В обычном смысле – нет, – призналась Мэри. – Но я считаю каждого ученика своим родным ребенком, а Рой активно занимается со скаутами и считает всех ребят из руководимого им отряда своими сыновьями.

– Как трогательно... – отозвался Кинг. – Я был страшно рад побеседовать с вами и надеюсь, что вы с мужем получите удовольствие от поездки.

– Я в этом уверена, – ответила она. – И все же мне нужно собраться с духом, чтобы попросить у директора три недели отпуска в середине семестра.

– Вы сможете по возвращении рассказать своим ученикам столько удивительного, что он наверняка с радостью согласится вас отпустить, – выразил надежду Кинг. Сам он никогда

не видел воочию Галапагосские острова, и ему не суждено было их увидеть. Зато, как и Мэри Хепберн, он знал их по множеству фотографий.

– Ах да!.. – воскликнула вдруг Мэри, когда тот уже собирался было повесить трубку. – Вы спрашивали о наградах, медалях и подобных вещах?..

– Да, а что? – вновь оживился Кинг.

– Мне вскоре предстоит получить одну награду – по крайней мере для меня это все равно что награда, – сообщила Мэри. – Предполагается, что я ничего не должна об этом знать, так что не следовало бы и вам этого говорить...

– Я буду нем как рыба, – заверил Кинг.

– Я сама только недавно по чистой случайности об этом узнала, – продолжала Мэри. – В нынешнем году выпускной класс решил посвятить свой ежегодник мне. Они дали мне прозвище – я увидела его в посвящении, которое попало мне на глаза, когда я пришла в типографию забрать по просьбе подруги объявление о дне рождения ее детей. У нее близнецы – мальчик и девочка.

– Ага! – вставил Кинг.

– И знаете, какое прозвище дали мне эти молодые люди?

– Нет, – ответил Кинг.

– Воплощение Матери-Природы, – объявила Мэри.

На Галапагосских островах нет могил. Океан обходится с телами умерших как ему заблагорассудится. Но если бы там был воздвигнут надгробный камень в память о Мэри Хепберн, к нему подошла бы только одна надпись: «Воплощение Матери-Природы». В чем же состояло ее подобие Матери-Природе? Перед лицом полной безнадежности, царившей на Санта-Росалии, она все-таки желала, чтобы там рождались человеческие дети. Ничто не в силах было помешать ей делать все возможное для поддержания непрерывности жизни.

18

Известие о том, что Мэри Хепберн находится в числе шестерых несчастных, которые все-таки добрались до Гуаякиля, впервые за несколько месяцев напомнило Бобби Кингу о ее существовании. Он решил, что, вероятно, Рой тоже там, с нею, – так как, судя по ее словам, они были неразлучной парой – и что управляющий отеля «Эльдорадо», чьи телексные сообщения час от часу становились все более горячечными, просто случайно забыл упомянуть его имя.

Кингу, между прочим, известно было и обо мне – хотя и не известно мое имя.

Он знал, что в ходе строительства корабля убило рабочего.

Однако предавать огласке это известие, которое дало бы суеверным повод решить, что на борту «Bahia de Darwin» поселился призрак, он стремился не больше, чем семейство фон Кляйст – проливать свет на то, что один из его членов госпитализирован с хореей Хантингтона, а двое других являются на пятьдесят процентов потенциальными носителями этого недуга.

* * *

Рассказывал ли сам капитан Мэри Хепберн за годы, проведенные ими вместе на Санта-Росалии, что он, может статься, носитель хорей Хантингтона? Он раскрыл ей эту страшную тайну только по истечении десяти лет их робинзонады, когда узнал, что та самовольно распорядилась его спермой.

Из шести постояльцев «Эльдорадо» Кинг был лично знаком лишь с двумя: *Эндрю Макинтошем и его слепой дочерью Селеной, ну и, само собою, с Казахом, их собакой. Всякий, кто знал Макинтошей, неизбежно знакомился и с собакой, хотя благодаря хирургическому вмешательству и воспитанию та стала совершенно обезличенной. Макинтоши были завсегда таями нескольких ресторанов, которые прибегали к услугам Кинга, к тому же *Макинтош – правда, без собаки и дочери – снимался в различных телешоу вместе с некоторыми из его клиентов. Кинг в обществе Селены и собаки наблюдал эти шоу по студийному монитору. У него сложилось впечатление, что, когда папочки нет рядом, у дочки заметно больше проблесков индивидуальности, чем у собаки. Однако говорить она могла только об отце.

*Эндрю Макинтош явно наслаждался своим участием в телешоу. Он был там желанным гостем благодаря своему неистовому темпераменту. Он проповедовал радость жизни при наличии неограниченных средств на всевозможные траты, жалел и презирал тех, кто небогат, и так далее.

Под воздействием суровой действительности островной жизни на Санта-Росалии у Селены выработается тип личности, совершенно отличный от ее отца, прежде чем ей суждено было погрузиться в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь. Она научится также бегло говорить по-японски. В эру больших мозгов история человеческой жизни могла иметь какой угодно финал.

Взгляните, к примеру, на мою.

Макинтоши и Хирогуши были, вслед за Роем и Мэри Хепберн, среди первых, кто подал заявку на участие в «Естествоиспытательском круизе века». Случилось это в феврале. Хирогуши, приглашенные *Макинтошем, вынуждены были путешествовать под чужими именами, чтобы работодатели *Зенджи не прознали, что тот ведет переговоры о сделке с *Макинтошем.

Для Кинга, *Зигфрида фон Кляйста и всех, кто был связан с организацией круиза, чета Хирогуши была ветеринаром Кендзабуро с женой.

Это означает, что ровно половина постояльцев «Эльдорадо» выдавали себя за кого-то другого. Словно бы в довершение всего этого великомозглого обмана на левом нагрудном кармане списанной военной формы, в которую была облачена Мэри Хепберн, еще красовалась фамилия прежнего владельца: Каплан. И когда они с Джеймсом Уэйтом наконец повстречались в коктейль-баре, он представился, назвав свое вымышленное имя, она же – свое настоящее, но тем не менее он упорно называл ее «миссис Каплан», превозносил евреев и так далее в том же духе.

Позже капитану предстояло женить их на палубе-солярии «Bahia de Darwin», и она при этом полагала, что стала женой Уилларда Флемминга, а он считал, что взял в жены Мэри Каплан.

Подобного рода путаница совершенно невозможна сегодня, ибо ни у кого ныне нет ни имени, ни профессии или истории жизни, которую он мог бы поведать. Все, что теперь имеется у человека как свидетельство его репутации, – это запах, который не меняется с рождения и до смерти. Человек – именно тот, за кого он себя выдает, ни больше ни меньше. Закон естественного отбора сделал людей абсолютно честными в этом отношении. Каждый является в точности тем, кем кажется.

Когда *Эндрю Макинтош забронировал три отдельных каюты на борту отправляющегося в первое плавание «Bahia de Darwin», Бобби Кинг имел все основания чувствовать себя заинтригованным. Ибо у *Макинтоша имелась собственная яхта, «Ому», размерами почти не уступающая прогулочному кораблю, и он мог отправиться на Галапагосы самостоятельно, избежав необходимости вступать в тесное общение с посторонними и подчиняться распорядку, общему для всех участников «Естествоиспытательского круиза века». Последние, к примеру, не имели

бы возможности сходить на берег и вести себя там когда и как им вздумается. Им разрешалось делать это лишь в сопровождении и под наблюдением гидов, прошедших подготовку у специалистов Дарвиновской исследовательской станции на острове Санта-Крус и имеющих высшее образование по одной из естественных дисциплин.

Поэтому, встретив однажды вечером, во время обычного своего обхода ресторанов и клубов, *Макинтоша с дочерью и собакой в компании неизвестной пары за поздним ужином в месте сбора знаменитостей – «У Элен», Кинг задержался возле их столика, чтобы сказать, как он польщен их желанием участвовать в круизе. Ему очень хотелось услышать, чем вызвано это их желание, чтобы затем использовать высказанные ими соображения для заманивания других крупных фигур, дающих пищу газетчикам.

Лишь поприветствовав Макинтошей, Кинг осознал, кто были другие двое за их столом. Он знал обоих достаточно, чтобы заговорить с ними, и так он и сделал. Женщина оказалась самой обожаемой жительницей планеты, миссис Жаклин Бувье Кеннеди Онассис, а спутником ее в тот вечер был великолепный танцор Рудольф Нуриев.

Нуриев, бывший гражданин Советского Союза, получил политическое убежище в Великобритании. Сам я тоже еще был тогда жив: гражданин США, которому предоставила политическое убежище Швеция.

И обоих нас роднила любовь к танцу.

Рискуя напомнить *Макинтошу, что тот является владельцем собственной океанской яхты, Кинг спросил, чем его так привлекла идея совершить путешествие на «Bahia de Darwin». Хитроумный и начитанный *Макинтош разразился в ответ речью об ущербе, который наносят Галапагосам своими бесконтрольными высадками разные эгоистичные невежды. Все это было почерпнуто им из материала в «Нэшнл джиогрэфик», который он ежемесячно прочитывал от корки до корки. Журнал утверждал, что для предотвращения самовольных высадок на острова людей, которые будут творить там что им взбредет в голову, Эквадору потребуются военно-морские силы, превышающие размерами весь мировой флот, так что реальное сохранение хрупких ареалов возможно лишь при условии, что люди сами научатся себя контролировать. «Каждый порядочный гражданин планеты, – говорилось в статье, – должен высаживаться на берег островов только в сопровождении специально подготовленного гида».

Во время отшельничества на Санта-Росалии у Мэри Хепберн, капитана, Хисако Хирогуши, Селены Макинтош и остальных не было специально подготовленного провожатого. И в первые несколько лет своего пребывания там они устроили для хрупкой местной природы сущий ад.

Лишь в самый последний момент им удалось осознать, что губят они свою собственную среду обитания и что они не просто туристы.

Там, в ресторане «У Элен», *Макинтош вызвал у своей зачарованной аудитории праведный гнев, живописуя, как туристские ботинки крушат замаскированные гнезда игуан, алчные пальцы грабят кладки олуш и так далее. Самый душераздирающий эпизод его рассказа о подобных жестокостях, однако, – позаимствованный опять же из «Нэшнл джиогрэфик» – клеймил тех, кто ради удовольствия позировать перед фотоаппаратом берет на руки детенышей тюленя. Ибо когда потом детеныша возвращают матери, с горечью повествовал рассказчик, та не желает больше его кормить, чувствуя исходящий от него чужой запах.

– Что же происходит с этим милым созданием, удостоившимся ласки со стороны добросердечного любителя природы? – вопрошал *Макинтош. – Оно гибнет от голода, и все это ради одного-единственного фотоснимка!

Поэтому на вопрос Бобби Кинга он ответил, что своим участием в «Естествоиспытательском круизе века» желает подать хороший пример, которому, надо надеяться, последуют другие.

Выступление этого человека в роли пламенного ревнителя охраны природы представляется мне иронией судьбы, учитывая, что многие компании, директором или крупным акционером которых он являлся, были как раз отъявленными вредителями, губившими воду, почву или атмосферу. Однако для *Макинтоша, явившегося на свет Божий неспособным всерьез о чем-либо печься, никакой иронии в этом не было. Дабы скрыть этот свой врожденный недостаток, он вынужден был стать большим актером, притворяясь даже перед самим собой, будто горячо озабочен всем на свете.

Ранее не менее убежденно он дал своей дочери совершенно иное объяснение того, почему они должны совершить это путешествие на «Bahia de Darwin», а не на «Ому». Супруги Хирогуши, сказал он, возможно, чувствовали бы себя на «Ому» пленниками, вынужденные общаться лишь с Макинтошами. Они могли бы запаниковать в таких условиях, так что *Зенджи, глядишь, еще отказался бы вести переговоры и потребовал высадить их с женой в ближайшем порту, чтобы поскорей улететь обратно, домой.

Как и множество других патологических личностей, обладавших властью миллион лет назад, *Макинтош под влиянием внезапного импульса был способен почти на все, ничего особого при этом не ощущая. Логическое объяснение его поступков приходило к нему всегда позже, на досуге.

И да будет подобное поведение сочтено сжатой подоплекой той войны, в которой я имел честь участвовать: войны во Вьетнаме.

19

Как и большинство патологических личностей, *Эндрю Макинтоша никогда особенно не заботило, говорит он правду или нет, – и потому он обладал великолепным даром убеждения. В итоге он так воодушевил вдову Онассис и Рудольфа Нуриева, что те попросили Бобби Кинга предоставить им дополнительную информацию о «Естествоиспытательском круизе века», которую тот и направил им на следующее утро с посыльным.

Судьбе было угодно распорядиться так, что в тот самый вечер по учебной телепрограмме демонстрировался документальный фильм о синелапых олушах, так что Кинг приложил к материалам записку, в которой рекомендовал, если будет желание, посмотреть передачу. Птицам этим суждено было впоследствии сыграть решающую роль в выживании человеческой колонии на Санта-Росалии. Не будь они столь глупы и неспособны осознать опасность, грозящую им со стороны людей, поселенцы наверняка умерли бы голодной смертью.

Кульминацией телефильма, как и наиболее ярким моментом лекций об архипелаге, которые читала Мэри Хелберн в Илиумской средней школе, был рассказ о брачных танцах синелапых олуш. Танцы эти протекали следующим образом.

Пара этих крупных морских птиц сидела на покрывающей остров застывшей лаве. Размером они были с бескрылого баклана, с такими же длинными змеевидными шеями и гарпунообразными клювами. Но летать они не отучились и потому обладали большими, сильными крыльями. Ноги их и перепончатые лапы были ярко-синего цвета. Рыбу они ловили, пикируя на нее сверху.

Рыба! Рыба! Рыба!

Обе птицы выглядели одинаково, несмотря на то что одна из них была самцом, а другая – самкой. Казалось, каждая из них находилась там по своим делам, не питая к другой ни малейшего интереса, – хотя в действительности никаких особых дел на лавовой поверхности острова у них быть не могло, поскольку насекомыми или растениями олуши не питаются. Материалы для строительства гнезда им тоже искать не приходилось, так как настолько далеко игра их еще не зашла.

Самец вдруг перестал заниматься тем, чем занимался, – а именно ничем. Он заметил самку. Отвернулся, вновь посмотрел в ее сторону, сидя при этом все на том же месте и не издавая ни звука. Птицы эти не безголосы, но и самец, и самка на всем протяжении танца хранят молчание.

Самка крутила головой туда-сюда, покуда взгляд ее не встретился с глазами самца. Расстояние между ними было не меньше пяти метров.

В этом месте Мэри, показывая фильм ученикам, обычно произносила от лица самки: «Чего этому типу может быть от меня нужно? Нет, в самом деле?! Какая дикость!»

Самец задрал одну ярко-синюю лапу и вытянул ее, держа в воздухе, словно бумажный веер.

Мэри Хепберн, опять играя роль самки, при этом говорила: «А это еще что такое? Тоже мне чудо света! Он что, считает, что только у него на всем острове синие лапы?»

Самец опустил лапу и поднял другую, приблизившись на шаг к самке. Потом снова продемонстрировал ей первую, потом опять вторую, глядя ей прямо в глаза.

Мэри произносила за самку: «Пора мне отсюда убираться». Однако сделать это самка не спешила. Словно приклеенная к лаве, она наблюдала, как самец поочередно показывает ей свои лапы и подходит все ближе.

Теперь уже самка задирала свою синюю лапу, на что Мэри замечала: «Думаешь, только у тебя такие красивые лапы? Если уж тебе хочется увидеть по-настоящему красивую лапу, взгляни-ка вот на эту. У меня и вторая такая есть!»

Самка опустила лапу и подняла другую, на шаг приблизившись к самцу.

Тут Мэри обычно умолкала и больше уже не вставляла шуточных комментариев в духе человеческих отношений. Птицы вольны были вести дальше свое шоу самостоятельно. Все так же серьезно и чинно сближаясь, не ускоряя и не замедляя шага, они наконец упирались грудью в грудь.

Ученики Илиумской средней школы не ожидали увидеть совокупление птиц. Фильм был так хорошо всем известен – ибо Мэри из года в год показывала его в классе в начале мая, в ознаменование начала весеннего сезона, – что каждый ученик знал, что саму сцену совокупления им не покажут.

Тем не менее то, что делали две птицы перед объективом, все равно выглядело в высшей степени эротично. Сойдясь грудью в грудь, они распрямляли свои гибкие шеи, устремляя их вверх, точно древки знамен, откидывали головы назад как можно сильнее, плотно прижимаясь друг к другу шеей и горлом. Так что теперь вдвоем они образовывали подобие башни – единое сооружение, устремленное вверх и покоящееся на четырех синих лапах.

Таким образом свершался брачный обряд.

Все проходило без свидетелей. Вокруг не было других олуш, чтобы поздравить их с прекрасным выбором и великолепно исполненным танцем. В фильме, который Мэри Хепберн обычно крутила в средней школе – и который, по совпадению, Бобби Кинг рекомендовал посмотреть миссис Онассис и Рудольфу Нуриеву по учебной телепрограмме, – единственными свидетелями всей сцены были большемозглые члены съемочной группы.

Фильм назывался «Целясь в небо» – по названию, которое все те же большемозглые ученые дали позе, когда клювы обеих птиц устремлены в направлении, противоположном действию силы притяжения.

На миссис Онассис лента произвела столь сильное впечатление, что на следующее же утро она велела своему секретарю позвонить Бобби Кингу и спросить, не поздно ли еще забронировать две отдельные каюты на главной палубе «Bahia de Darwin» на время проведения «Естествоиспытательского круиза века».

20

Мэри Хепберн обычно ставила повышенную оценку тем из своих учеников, кто посвящал брачному танцу птиц небольшое сочинение в прозе или стихах. Почти каждый второй писал что-нибудь, и примерно половина написавших видели в птичьем танце доказательство того, что животные поклоняются Богу. Остальные сочиняли кто во что горазд. Один ученик принес стихотворение, которое Мэри помнила до конца своих дней и которому обучила «Мандаракс». Имя ученика было Ноубл Клэггетт, он был убит во время войны во Вьетнаме, но его произведению суждено было занять место в памяти «Мандаракса» рядом с величайшими из когда-либо живших авторов. Звучало оно следующим образом:

Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его:
«Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его:
«Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его...
И т. д.

Ноубл Клэггетт (1947–1966)

Некоторые ученики просили разрешения написать о каком-либо ином представителе галапагосской фауны, и Мэри, будучи хорошим педагогом, разумеется, соглашалась. Излюбленными альтернативными героями сочинений оказывались недруги и обидчики олуш – гигантские птицы-фрегаты. Эти Джеймсы Уэйты птичьего мира питались рыбой, вылавливаемой олушами, и сооружали гнезда из материалов, украденных у олуш. Определенному разряду учеников это казалось забавным, и разряд этот состоял почти сплошь из юношей.

У самцов фрегата имелась также уникальная физическая особенность, которая неизменно притягивала внимание незрелых юнцов, озабоченных эрективными способностями своего полового органа. Самцы гигантского фрегата в брачный период старались привлечь самок, раздувая ярко-красный пузырь, расположенный у них под горлом. Птичий базар в брачный период фрегатов напоминал с воздуха скопище детей с красными шариками в руках. Остров оказывался усеян самцами фрегата, которые, запрокинув головы, раздували символ своего супружеского достоинства во всю мощь легких, так что тот чуть не лопался, в то время как самки кружили в небе.

Выбрав подходящий шар, самки одна за другой камнем падали вниз.

По окончании фильма о гигантских фрегатах, когда занавески на окнах класса раздвигались и вновь зажигался свет, кто-нибудь из учеников – опять же почти неизменно это бывал

юноша – обязательно спрашивал Мэри, порою с клиническим интересом, иногда в шутовском тоне или же с горечью, ненавядя и боясь женщин:

– А что, самки всегда стремятся выбрать самый большой?

Поэтому у Мэри имелся наготове ответ – столь же неизменный, слово в слово, как любая цитата, выдаваемая «Мандараксом»:

– Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно было бы опросить самок фрегата, но покуда, насколько мне известно, никому еще не удавалось это сделать. Однако некоторые люди посвятили свою жизнь изучению этих птиц, и, по их мнению, самки отдают предпочтение тем красным пузырям, которые приходится на наиболее удобные места гнездовья. Это важно с точки зрения выживания, понятно?.. Здесь самое время вернуться к брачным танцам синелапых олуш, которые, по всей видимости, не имеют ни малейшего отношения к факторам выживания, гнездовки или рыбного промысла олуш. С чем же они тогда связаны? Позволительно ли будет назвать это «религией»? Или, коли у нас не хватит смелости на первое, то можем ли мы назвать это по крайней мере «искусством»? Ваши соображения, пожалуйста.

Брачный танец синелапых олуш, желание воочию увидеть который столь внезапно охватило миссис Онассис, не изменился ни на йоту за миллион лет. Как и сами эти птицы не научились бояться кого- или чего-либо. И не проявили ни малейшей склонности отказаться от полета и перейти на подводное плавание.

Что же касается смысла, заключающегося в брачном танце олуш, то птицы эти в действительности суть огромные синелапые молекулы, и выбирать им в этом вопросе не дано. Сама их природа велит им танцевать так и никак иначе.

Люди же представляли собой молекулы, способные исполнять множество и множество самых различных танцев либо вообще отказываться танцевать – как им было угодно. Моя мать умела танцевать вальс, танго, румбу, чарльстон, линди-хоп, джиттербаг, ватузи и твист. Отец же не желал танцевать и имел на то полное право.

21

После того как миссис Онассис изъявила желание отправиться в «Естествоиспытательский круиз века», от желающих не стало отбоя, и Рой и Мэри Хепберн с их жалкой каюткой, расположенной под ватерлинией, были напрочь забыты. К концу марта Кинг уже получил возможность опубликовать список пассажиров, возглавляемый миссис Онассис, за которой следовали имена почти столь же блестящие: доктор Генри Киссинджер, Мик Джаггер, Палома Пикассо, Уильям Ф. Бакли-младший, само собою – *Эндрю Макинтош, Рудольф Нуриев, Уолтер Кронкайт и так далее, и так далее. *Зенджи Хирогуши, путешествовавший под именем Зенджи Кендзабуро, был назван в этом списке всемирно известным специалистом по болезням животных, дабы поставить его более или менее вровень с другими.

Два имени не были вообще включены в список по деликатным соображениям – чтобы не породить затруднительного вопроса, кто они такие, ибо на самом деле они были именно совершенные никто. Я имею в виду Роя и Мэри Хепберн с их жалкой каюткой ниже ватерлинии.

А затем этот слегка урезанный список стал официальным. Так что когда авиакомпания «Экваториана эйрлайнз» в мае отправила всем участникам телеграммы с извещением об организации специального рейса для тех из них, кто окажется в Нью-Йорке за сутки до отплытия «Bahia de Darwin», Мэри Хепберн такого послания не получила. За извещенными высылались роскошные лимузины, готовые доставить их в аэропорт из любой точки города. Все кресла в самолете способны были трансформироваться в кровати, а салон турккласса был переоборудован под кабаре со столиками и подиумом, на котором труппа Эквадорского фольклорного

балета должна была исполнять традиционные танцы разных индейских племен, включая неуловимых канка-боно. Пассажирам предполагалось подавать изысканные блюда и вина, достойные лучших ресторанов Франции. И все это бесплатно. Однако Рой и Мэри Хепберн так об этом и не узнали.

Как, впрочем, не получили они и письма, адресованного всем остальным еще в июне, от доктора Хосе Сепульведа де ла Мадрид, президента Эквадора, с приглашением на официальный завтрак, дававшийся в честь участников круиза в отеле «Эльдорадо», и на последующий торжественный парад, во время которого их должны были в запряженных лошадьми и украшенных цветами экипажах провезти от отеля до пристани, где их ожидал корабль.

Равно как не получала Мэри и ноябрьской телеграммы Кинга, направленной всем включенным в список. В ней говорилось, что, несмотря на сгущающиеся на экономическом горизонте тучи, экономика Эквадора по-прежнему достаточно крепка, поэтому опасаться, что «Bahia de Darwin» может не отправиться в плавание в запланированные сроки, не приходится. О чем в этом послании не сообщалось – так это о том, что список пассажиров к тому моменту уже сократился наполовину – о чем Кингу было известно – ввиду отказов, пришедших от всех участников круиза, за исключением японцев и американцев. Так что почти все, кто еще намеревался принять участие в путешествии, должны были прилететь тем самым специальным рейсом из Нью-Йорка.

И вот теперь секретарша Кинга только что вошла к нему в кабинет, чтобы передать услышанное по радио сообщение, что Государственный департамент США не рекомендует американским гражданам отправляться в ближайшее время в Эквадор.

Стало быть, на проекте, который Кинг по праву считал своим самым блестящим успехом, можно было поставить крест. Ничего не смысля в кораблестроении, он сумел добавить судну привлекательности, убедив его владельцев назвать их детище не «Антонио Хосе де Сукре», как они намеревались вначале, а «Bahia de Darwin». Ему удалось превратить заурядное двухнедельное плавание на архипелаг и обратно в естествоиспытательский круиз века. Как он сотворил это чудо? Да благодаря тому, что ни разу не назвал это путешествие иначе чем «Естествоиспытательским круизом века».

Если даже, в чем Кинг был уже почти уверен, «Bahia de Darwin» не отправится на следующий день в круиз, некоторые побочные эффекты организованной им рекламной кампании все равно будут продолжать действовать. С помощью своих рассказов о чудесах, которые предстоит увидеть во время этого путешествия миссис Онассис, доктору Киссинджеру, Мику Джаггеру и другим, он способствовал массовой популяризации естественной истории. А также создал двух новых знаменитостей: Робера Пепена, который, после того как его наняли командовать камбузом на первое плавание, был объявлен Кингом «величайшим шеф-поваром Франции»; и Адольфа фон Кляйста, капитана «Bahia de Darwin», который – с его внушительным носом и таким видом, точно он скрывает от мира некую невыразимую личную трагедию, – проявил во время съемок телешоу с его участием дар первоклассного комика.

У Кинга в досье хранилась расшифровка выступления капитана в шоу «Сегодня вечером», которое вел Джонни Карсон. В этой передаче, как и во всех остальных, капитан щеголял в ослепительном, белом с золотом мундире, носить который ему давало право его звание адмирала запаса Эквадорского военно-морского флота. Текст расшифровки читался так:

КАРСОН: Мне кажется, фамилия «фон Кляйст» звучит как-то не слишком по-южноамерикански...

КАПИТАН: Она инкская – самая распространенная среди инков, вроде фамилий «Смит» или «Джонс» в англоговорящих странах. Если вы почитаете свидетельства испанских первопроходцев, которые разрушили империю инков за ее антихристианскую сущность, то...

КАРСОН: Да?..

КАПИТАН: Надеюсь, вы их читали?

КАРСОН: Это моя настольная книга – наряду с автобиографией Хеди Ламарр «Экстаз и я».

КАПИТАН: Тогда вам известно, что каждого третьего индейца, сожженного за ересь, звали фон Кляйст.

КАРСОН: Большой ли военно-морской флот у Эквадора?

КАПИТАН: Четыре подводные лодки. Они постоянно находятся под водой и никогда не всплывают.

КАРСОН: Не всплывают?

КАПИТАН: Никогда. Уже многие годы.

КАРСОН: Но с ними поддерживают радиосвязь?

КАПИТАН: Нет. Они хранят радиомолчание. Это их собственная инициатива. Мы бы и рады были поддерживать с ними связь, но они предпочитают молчать.

КАРСОН: А почему они так долго остаются под водой?

КАПИТАН: Об этом вам лучше спросить их самих. Видите ли, Эквадор – демократическая страна. Даже те из нас, кто служит на флоте, действуют в очень широких рамках дозволенного.

КАРСОН: Существует мнение, что Гитлер, возможно, еще жив и находится в Южной Америке. Как по-вашему – есть ли такая вероятность?

КАПИТАН: Я знаю, что в Эквадоре есть люди, которые не прочь были бы заполучить его себе на обед.

КАРСОН: Симпатизирующие нацизму...

КАПИТАН: Этого я не знаю. Думаю, такое не исключено.

КАРСОН: Ну, если они были бы не прочь заполучить его себе на обед...

КАПИТАН: То, должно быть, они каннибалы. Я имел в виду канка-боно. Те не прочь заполучить себе на обед кого угодно. Они – как это по-английски?.. У меня вертится на языке...

КАРСОН: Пожалуй, мы можем перейти к следующему вопросу.

КАПИТАН: Нет, они... они... канка-боно...

КАРСОН: Подумайте. Не спешите.

КАПИТАН: Ага! Они «аполитичны». Вот это слово. Аполитичны – именно таковы эти канка-боно.

КАРСОН: Но они граждане Эквадора?

КАПИТАН: Да, конечно. Я же сказал, что у нас демократия. Каждому каннибалу дано право голоса.

КАРСОН: У меня есть еще один вопрос, который просили задать вам несколько дам. Быть может, он слишком личного свойства...

КАПИТАН: Почему столь красивый и обворожительный мужчина, как я, ни разу не испытал радости брака?

КАРСОН: У меня самого есть кое-какой опыт в этих вопросах, как вы знаете – или, возможно, не знаете...

КАПИТАН: Пойти на это было бы с моей стороны бесчестно по отношению к женщине.

КАРСОН: Хм, разговор наш принимает слишком интимный характер. Давайте лучше поговорим о синелопых олушах. Может быть, самое время показать фильм, который вы нам привезли?

КАПИТАН: Нет-нет! Я полон желаний обсудить свой отказ вручать кому-либо руку и сердце. С моей стороны было бы бесчестно жениться, поскольку в любой момент мне могут поручить командование подлодкой.

КАРСОН: И тогда вам придется уйти под воду и никогда больше не всплывать?

КАПИТАН: Такова традиция.

Кинг глубоко вздохнул. Список пассажиров лежал перед ним на столе, и половина имен была вычеркнута – имена мексиканцев, аргентинцев, итальянцев, филиппинцев и прочих, которые были настолько глупы, что хранили свои состояния в национальной валюте. Оставшиеся, за исключением шестерых, уже добравшихся до Гуаякиля, все находились в пределах Нью-Йорка, и с ними легко можно было связаться по телефону.

– Думаю, нам нужно сделать несколько звонков, – известил Кинг секретаршу.

Та предложила всех обзвонить, но он ответил «нет». Эту обязанность он чувствовал себя не вправе препоручать кому-то другому. Он убедил всех этих знаменитостей принять участие в круизе, обольстив в том числе, подобно любовнику, самых могущественных формирователей общественного мнения. И теперь, как приличествует ответственному любовнику, должен был лично сообщить им неприятную весть. По крайней мере ему не трудно будет разыскать большинство из них. Всего их насчитывалось сорок два человека, включая супруг и спутниц – то есть совершенных «никто». При этом они разбились на несколько компаний (о чем подробно сообщалось в тот день в рубриках светских сплетен), чтобы весело провести время, остававшееся до того часа, когда роскошные лимузины должны были с баюкающим, обволакивающим комфортом отвезти их в Международный аэропорт имени Кеннеди для посадки на самолет «Экваториана эйрлайнз», вылетающий десятичасовым специальным рейсом в Гуаякиль.

Хорошо еще, что ему не нужно было договариваться о возвращении их денег. Ибо поездка не стоила всем им ни цента, и к этому времени они уже получили бесплатно комплект дорожных сумок, туалетные принадлежности и панамы.

В виде невеселого развлечения для себя самого и секретарши Кинг проделал обычный свой трюк с чучелом морской игуаны. Взяв ее и прижав к уху, точно телефонную трубку, он произнес:

– Миссис Онассис? Боюсь, я вынужден сообщить вам огорчительное известие. Вам, видимо, так и не удастся воочию увидеть брачные танцы синелапых олуш.

Телефонные извинения Кинга, собственно, были просто галантной формальностью. Ни один из его собеседников уже не надеялся оказаться в десять часов вечера в самолете. Кстати сказать, *Эндрю Макинтошу, *Зенджи Хирогуши и брату капитана, *Зигфриду, суждено было к этому часу уже расстаться с жизнью и совершить короткое путешествие по голубому туннелю, ведущему в загробный мир.

Все значившиеся в списке пассажиров, с кем переговорил Кинг, успели составить для себя новые планы на предстоящие две недели. Многие взамен круиза собирались покататься на лыжах под надежной защитой границ США. Участники одной из компаний, веселившиеся вшестером, решили отправиться в некую смесь животноводческого хозяйства и теннисного клуба, находившуюся в Фениксе, штат Аризона.

Последний звонок, который Кинг сделал перед уходом из своего офиса, был данью человеку, успевшему за последние десять месяцев стать его близким другом: доктору Теодоро Доносо, поэту и врачу из Кито, являвшемуся представителем Эквадора в Организации Объединенных Наций. Свою медицинскую научную степень тот получил в Гарварде. Несколько других эквадорцев, с которыми Кингу довелось иметь дело, также обучались в Соединенных Штатах. Капитан «Bahia de Darwin», Адольф фон Кляйст, окончил Военно-морскую академию США в Аннаполисе. Брат капитана, *Зигфрид, был выпускником Корнеллской гостиничной школы в Итаке, штат Нью-Йорк.

На другом конце, в посольстве, раздавался многоголосый шум, словно там шло буйное веселье. Доктор Доносо приглушил его, закрыв дверь.

– Что у вас празднуют? – спросил Кинг.

– Это фольклорный балет, – пояснил посол, – репетирует огненный танец канка-боно.

– Они еще не знают, что путешествие отменено? – поинтересовался Кинг.

Оказалось, знают. И намерены остаться в Соединенных Штатах, чтобы зарабатывать доллары для своих домашних, оставленных в Эквадоре, исполняя в ночных клубах и театрах свой коронный номер, прославленный рекламной кампанией Бобби Кинга: огненный танец канка-боно.

– Среди них есть хоть один настоящий канка-боно? – вновь спросил Кинг.

– Насколько я могу догадываться, во всем свете не осталось ни одного настоящего канка-боно, – ответил посол, написавший в свое время стихотворение в двадцать шесть строк под названием «Последний канка-боно». Стихотворение было посвящено исчезновению этого маленького племени, обитавшего во влажных лесах Эквадора. В начале произведения в живых еще насчитывалось одиннадцать канка-боно, в финале же оставался лишь один, да и тот чувствовал себя неважно. Однако то было всего лишь упражнение творческой фантазии, ибо автор, как и большинство эквадорцев, сроду не видел живого канка-боно. Он слышал, что численность племени упала до четырнадцати человек, так что окончательное вымирание его под натиском цивилизации представлялось неизбежным.

Откуда ему было знать, что не пройдет и века, как в жилах всех человеческих существ на Земле будет течь преимущественно кровь канка-боно – с небольшими добавками фон Кляйста и Хирогуши.

И этот поразительный поворот событий произойдет в значительной степени по вине одного из двух совершенных «никто» в списке участников «Естествоиспытательского круиза века». А именно – Мэри Хепберн. Вторым «никто» был ее муж, также сыгравший решающую роль в судьбе человечества благодаря тому, что накануне собственного вымирания он забронировал одну-единственную дешевую каюту под ватерлинией.

22

Двадцатишестистрочный плач посла Доносо по «Последнему канка-боно» был преждевременным, чтобы не сказать больше. Ему скорее следовало бы излить на бумаге скорбь по «Последнему жителю южноамериканского континента», «Последнему жителю североамериканского континента», «Последнему жителю Европы», «Последнему жителю Африки» и «Последнему жителю Азии».

Но, во всяком случае, он правильно угадал, что произойдет в ближайший час или около того с состоянием духа эквадорцев, сказав Бобби Кингу по телефону: «Там все начнут разваливаться на глазах, стоит им узнать, что миссис Онассис все-таки не приедет».

– Как все может измениться всего за тридцать дней, – промолвил Кинг. – «Естествоиспытательский круиз века» был лишь одним из множества событий, которых так ожидали эквадорцы. И вдруг стал единственным.

– Это как если бы мы приготовили огромный хрустальный графин игристого пунша, а он за одну ночь обратился в ржавое ведро с нитроглицерином, – поддержал Доносо. И добавил, что по крайней мере «Естествоиспытательский круиз века» отсрочил на одну-две недели для Эквадора необходимость взглянуть в лицо неразрешимым экономическим проблемам. В соседних странах – Колумбии на севере и Перу на юге и востоке – были свергнуты правительства и установлены военные диктатуры. И новые правители Перу, кстати сказать, чтобы отвлечь большие мозги своих сограждан от всех передряг, как раз собирались объявить войну Эквадору.

– Если бы миссис Онассис отправилась туда сейчас, – продолжал Доносо, – народ принял бы ее как спасительницу, чудотворицу. Все ожидали бы, что она вызовет в Гуаякиль суда,

груженные пищей, и бомбардировщики США по ее велению станут сбрасывать на парашютах зерно, молоко и свежие фрукты для эквадорских детей!

Надо сказать, ныне никто по достижении девятимесячного возраста не ожидает для себя ниоткуда никакой помощи. Ровно столько длится сегодня детство человека.

Самого меня оберегали от собственных моих безрассудства и беспечности до десяти лет – когда мать бросила нас с отцом. С тех пор я был предоставлен самому себе. Мэри Хепберн получила независимость от родителей только после присуждения ей степени магистра, в возрасте двадцати двух лет. Адольфа фон Кляйста, капитана «Bahia de Darwin», родители постоянно выручали, платя за него карточные долги и штрафы – за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии, хулиганские нападения, сопротивление при арестах, акты вандализма и так далее. Так продолжалось до достижения им двадцати шести лет, когда отец его под влиянием прогрессирующей хореи Хантингтона убил свою жену. Лишь после этого капитан начал отвечать за собственные ошибки.

Неудивительно, что в те времена, когда детство людей настолько затягивалось, многие из них приобретали на всю жизнь привычку верить – даже после кончины их родителей – в то, что кто-то присматривает за ними: Бог, или какой-нибудь святой, или ангел-хранитель, или звезды, или что бы там ни было.

Сегодня ни один человек подобных иллюзий не питает. Каждый рано узнает, в каком мире он живет, и редкому взрослому не доводилось воочию увидеть, как его братец, сестренка, мать или отец проглочены были китом-убийцей или акулой.

Миллион лет назад велись страстные споры о том, допустимо или нет с помощью механических средств мешать оплодотворению яйцеклеток спермой или вычищать оплодотворенные яйцеклетки из матки с тем, чтобы численность человечества не превысила продовольственные ресурсы.

Сегодня проблема эта полностью решена без всякой необходимости прибегать к противоестественным способам. Киты-людоеды и акулы удерживают род людской в удобных и легких для управления рамках. И никто не голодает.

Мэри Хепберн преподавала в Илиумской средней школе не только общую биологию, но и курс физиологии человека. Что ставило ее перед необходимостью описывать различные приспособления для ограничения рождаемости, которыми самой ей сроду не приходилось пользоваться, ибо муж был ее единственным любовником за всю жизнь и они с Роем с самого начала мечтали завести ребенка.

Она, не сумевшая забеременеть ни разу за все годы усиленных половых сношений с Роем, вынуждена была предупреждать школьниц, как легко может самка человека зачать в результате даже самого, казалось бы, мимолетного, непродолжительного и неглубокого контакта с самцом. И после нескольких лет преподавания большинство своих предупреждающих рассказов она могла иллюстрировать жизненными примерами, произошедшими с ученицами той же школы, которых она знала лично.

Не было почти ни одного учебного года, который не был бы отмечен беременностью очередной несовершеннолетней, а в памятный весенний семестр 1981 года их было целых шесть. И около половины девочек, ожидавших ребенка, достаточно искренне заявляли о своей любви к тем, с кем они спарились. В то время как другая сторона, юноша, перед лицом противоречивых свидетельств, которые нельзя назвать иначе как непровержимыми, клялся, что, как бы он ни бился, не может вспомнить, чтобы когда-либо совершал в отношении первой стороны действия, способные привести к рождению ребенка.

И Мэри в конце весеннего полугодия 1981 года обронила в беседе с коллегой-преподавательницей: «Для некоторых забеременеть – все равно что простудиться». И в этом, безусловно, была аналогия: простуды, как и дети, порождаются микроорганизмами, которые ничто так не любят, как слизистую оболочку.

По истечении десяти лет, проведенных на острове Санта-Росалия, Мэри Хепберн воочию убедится, как легко девушка-подросток может забеременеть от семени мужчины, стремящегося лишь получить сексуальное облегчение и не питающего к ней ни малейших чувств.

23

Итак, нисколько не подозревая, что тому суждено стать праотцом человечества, я вторгся в мысли капитана Адольфа фон Кляйста, когда он ехал на такси из международного аэропорта Гуаякиля к месту швартовки «Bahia de Darwin». Мне и в голову не могло прийти, что роду человеческому предстоит, волей счастливого случая, сократиться до считанных единиц и затем, опять же волей счастливого случая, умножиться снова. Я был уверен, что этот хаос с участием миллиардов большемозглых людей, мечущихся во всех направлениях и плодящихся не переставая, будет длиться бесконечно. Казалось маловероятным, чтобы какая бы то ни было отдельная личность приобрела значимость в этом беспорядочном буйстве.

В этом смысле то, что я избрал средством передвижения голову капитана, было равноценно удаче игрока, который, опустив монету в автомат в некоем гигантском казино, сразу сорвал банк.

Больше всего меня привлекла в нем его форма. На нем был белый с золотом китель адмирала запаса. Сам я был рядовым, и мне было любопытно узнать, как выглядит мир глазами человека, носящего высокий армейский чин и стоящего высоко на общественной лестнице.

Я был заинтригован, обнаружив, что его большой мозг занят размышлениями о метеоритах. В те времена со мною частенько так случалось: я забирался в чьи-нибудь мысли в ситуации, представлявшейся мне чрезвычайно интересной, но выяснялось, что увесистый мозг этого человека занимали вещи, не имевшие ни малейшего отношения к стоящей перед ним проблеме.

То же самое – с капитаном и метеоритами. Он вполуха слушал своих инструкторов в Военно-морской академии США и окончил ее в хвосте своего класса. И даже наверняка был бы отчислен за шпаргалки на экзамене по небесной навигации – не вмешайся его родители по дипломатическим каналам. Однако одна лекция произвела на него впечатление: на тему о метеоритах. Инструктор рассказывал, что дожди крупных камней из космоса были на протяжении многих эпох обычным делом, и воздействие их оказывалось настолько ужасающим по силе, что привело, как полагают, к исчезновению многих форм жизни, включая динозавров. По его словам, у людей есть все основания ожидать в любой момент новых разрушительных камнепадов, и потому следует разработать способ отличия вражеских ракет от метеоритов.

В противном случае никем не организованная бомбардировка из космоса может послужить толчком для третьей мировой войны.

И это апокалипсическое предупреждение так идеально уложилось в микросхему его мозга – еще до того, как отца его поразила хорея Хантингтона, – что с тех пор он до конца жизни и впрямь верил, что наиболее вероятной причиной истребления человечества являются метеориты.

В его глазах для человечества это был бы гораздо более почетный, поэтичный и прекрасный способ умереть, чем третья мировая война.

Познакомившись с его большим мозгом поближе, я понял, что в его размышлениях о метеоритах при виде голодных толп и военного положения на улицах Гуаякиля была своя логика. Даже пусть и без апофеоза в виде метеоритного дождя жизнь в Гуаякиле, похоже, подходила к концу.

В некотором смысле, впрочем, человек этот уже испытал удар метеорита: после убийства матери отцом. И его ощущение жизни как бессмысленного кошмара, в котором никому невдомек и нет дела, что творится вокруг, мне было до боли знакомо.

Именно это я чувствовал во Вьетнаме, застрелив старуху – беззубую и согбенную, какой суждено было стать Мэри Хепберн к концу жизни. А застрелил я ее за то, что та уложила моих лучшего друга и злейшего врага во всем взводе – одной ручной гранатой.

Этот эпизод заставил меня пожалеть, что я живу, и позавидовать бездушным камням. В тот момент я предпочел бы быть камнем, подвластным лишь законам Природы.

Прямо из аэропорта капитан отправился на свой корабль, не заезжая в отель повидаться с братом. На протяжении всего долгого перелета из Нью-Йорка он пил шампанское, и поэтому теперь у него раскалывалась голова.

Когда же мы оказались на борту «Bahia de Darwin», мне стало очевидно, что его капитанские функции, как и полномочия адмирала запаса, носили чисто церемониальный характер. Заниматься навигацией, инженерной частью и дисциплиной команды обязан был кто-то другой – покуда капитан общается с видными фигурами из числа пассажиров. Как обращаться с кораблем, он знал слабо и полагал, что и не должен слишком хорошо в этом разбираться. Знакомство его с Галапагосскими островами было также весьма фрагментарным. Будучи адмиралом, он посетил с церемониальными визитами военно-морскую базу на острове Бальтра и Дарвиновскую исследовательскую станцию на Санта-Крус – опять же в основном как пассажир на борту судна, командиром которого он формально являлся. Остальные же острова архипелага были для него terra incognita. С гораздо большим успехом он мог бы быть инструктором на облюбованных горнолыжниками снежных склонах Швейцарии, за игровыми столами казино в Монте-Карло или в конюшнях поло-клубов в Палм-Бич.

Но опять же – какое это имело значение? Обслуживать участников «Естествоиспытательского круиза века» должны были гиды и лекторы, прошедшие подготовку на Дарвиновской исследовательской станции и имеющие степени по естественным наукам. Капитан намеревался внимательно слушать их и таким образом познакомиться с архипелагом – одновременно с остальными пассажирами.

Забираясь в череп капитана, я надеялся узнать, каково быть верховным командующим. Вместо этого я узнал, каково играть в обществе роль бабочки. Поднимаясь по трапу, мы с капитаном удостоились всевозможных знаков армейского почтения. Но когда мы уже очутились на борту судна, ни один офицер или член команды не обратился к нам за инструкциями, заканчивая последние приготовления к встрече миссис Онассис и прочих.

Насколько капитану было известно, судно таки должно было отплыть на следующий день. По крайней мере обратного ему никто не говорил. Так как он лишь час назад вернулся в Эквадор и живот его был набит добротной нью-йоркской пищей, а голова раскалывалась после шампанского, до него еще не дошло, в какой ужасный переплет попали он и его корабль.

Существует один свойственный людям дефект, который закону естественного отбора еще предстоит исправить: и по сей день человек с полным желудком ведет себя в точности так же, как и его предки миллион лет тому назад, – с трудом осознает страшно неприятное положение,

в котором он, возможно, находится. Тогда-то он и забывает, что нужно быть начеку, остерегаться акул и китов.

Но особенно трагические последствия имел этот недостаток миллион лет назад, поскольку люди, наиболее информированные о состоянии планеты, подобные, скажем, *Эндрю Макинтошу, и достаточно богатые и могущественные, чтобы остановить ход разорения и распада, были по определению чересчур сытыми.

Так что, по их убеждению, все обстояло совершенно прекрасно.

Несмотря на все компьютеры, измерительные приборы, информаторов, аналитиков, банки данных, библиотеки и разнообразных экспертов, имевшихся у них в распоряжении, их глухие и слепые животы оставались последней инстанцией в определении того, терпит или нет решение той или иной проблемы – такой, как, скажем, истребление лесов в Северной Америке и Европе кислотными дождями.

И чтобы продемонстрировать, какого рода советы давал и дает сытый желудок, вот что посоветовал он капитану, когда первый помощник, Эрнандо Крус, сообщил ему, что ни один из гидов не явился и не дал о себе знать и что треть команды успела дезертировать, предпочтя заняться судьбой своих семей: «Терпение. Улыбайся. Выгляди уверенным. Все как-нибудь да устроится к лучшему».

24

Мэри Хепберн смотрела и оценила по достоинству комическое представление, разыгранное капитаном в шоу «Сегодня вечером», а также следующее его выступление, в передаче «С добрым утром, Америка». В этом смысле ей казалось, что она уже знала его – еще до того, как ее большой мозг убедил ее приехать в Гуаякиль.

Беседу с капитаном в шоу «Сегодня вечером» показали через две недели после смерти Роя, и тому первому после печального события удалось заставить ее громко смеяться. Она сидела в своем домишке – последнем обитаемом среди окружающих его пустых и предназначенных на продажу – и слышала собственный хохот, вызванный рассказом о нелепом эквадорском флоте субмарин, где следуют традиции уходить под воду и больше не всплывать.

Она решила, что фон Кляйст должен во многом напоминать Роя своей любовью к природе и технике. Иначе почему бы его избрали на должность капитана «Bahia de Darwin»?

При этой мысли она, под влиянием своего крупного мозга и к вящему своему душевному замешательству – хотя поблизости и не было никого, кто мог бы услышать, – произнесла, обращаясь к изображению капитана в электронно-лучевой трубке:

– Ты случайно не хотел бы на мне жениться?

Впоследствии обнаружилось, что в технике она разбиралась пусть не намного, но лучше, чем капитан, – просто вследствие совместной жизни с Роем. После смерти мужа, к примеру, если газонокосилка не желала заводиться, она могла сама заменить запальную свечу и запустить машину – чего сроду не умел капитан.

И об архипелаге она знала гораздо больше. Именно Мэри правильно опознала остров, на котором им суждено было загорать. Капитан, пытаясь сохранить остатки авторитета и уверенности, после того как его могучий мозг вконец все запутал, объявил, что это остров Рабида – каковым тот, разумеется, не был и которого сам он никогда в глаза не видел.

А распознать Санта-Росалию Мэри смогла по преобладающей там породе певчих птиц. Эта пернатая мелюзга, не вызывавшая ни малейшего интереса у большинства туристов и учеников Мэри, привела Чарльза Дарвина в такой же восторг, как и гигантские сухопутные черепахи, олуши, морские игуаны или какие-либо другие из обитающих там тварей. Суть заключалась в следующем: эти птички, на вид почти неразличимые между собою, в действительности

делились на тринадцать разных видов, каждый из которых отличался специфическим составом пищи и способом ее добычи.

Ни у одного из этих видов не было родственников ни на южноамериканском континенте, ни где бы то ни было еще. Их предки тоже, возможно, приплыли туда на Ноевом ковчеге или некоем естественном плоту – поскольку обыкновенным певчим птицам совершенно несвойственно летать, покрывая расстояние до тысячи километров, над открытым океаном.

На островах не водилось дятлов, но имелась певчая птаха, питавшаяся тем, чем обычно кормится дятел. Она не обладала способностью долбить дерево и потому взамен брала в свой тупой маленький клювик щепку или иглу кактуса и выковыривала с их помощью насекомых из их укрытия.

Птички другой породы были кровососущими. Подлетая к какой-нибудь беспечной олуше, они клевали ее в шею до тех пор, покуда не начинала сочиться кровь, – после чего ублажали свое сердце столь изысканной пищей. Этот вид получил у людей название «геоспиза диффицилис».

Основным местом гнездовья этих милых созданий, их Эдемским садом был остров Санта-Росалия. Мэри, возможно, никогда бы и не узнала об этом острове, столь удаленном от остальных островов архипелага и столь редко посещаемом людьми, если бы не населяющие его стаи «геоспиза диффицилис». И она наверняка не распространялась бы так о нем на уроках, не будь эти пернатые кровососы единственным, что способно было вызвать хоть какой-то интерес у ни черта не желавших знать школьников.

Будучи поистине великолепным преподавателем, она потакала вкусам учащихся, описывая этих птиц как «идеальных домашних животных для графа Дракулы». Абсолютно вымышленный этот граф, она знала, был для большинства ее учеников гораздо более значительной фигурой, чем, скажем, Джордж Вашингтон, являвшийся всего-навсего основателем их государства.

О Дракуле им было и известно больше, так что Мэри, пользуясь этим, развивала свою шутку, добавляя, что все-таки нет, «геоспиза диффицилис» вряд ли подошла бы графу (которого она именovala «гомо трансильваньенсис») в качестве домашней зверюшки, ибо тот имел обыкновение спать весь день, тогда как пташка эта, наоборот, ночами спит, а днем летает.

– Так что, – продолжала она с притворной грустью, – лучшим домашним животным для Дракулы по-прежнему остается член семейства «десмодонтидэ», что на научном языке означает «летучая мышь-вампир».

Завершала она свою шутку словами:

– Если вам когда-нибудь доведется побывать на Санта-Росалии и убить особь вида «геоспиза диффицилис» – что нужно сделать, дабы убедиться, что она умерла навсегда?

Заготовленный ею ответ был таким: «Закопать ее на пересечении дорог, разумеется, проткнув ей предварительно сердце колышком».

Что навевало размышления на молодого Чарльза Дарвина – так это то обстоятельство, что галапагосские певчие птицы изо всех сил стараются копировать поведение того или иного из массы специфических видов, существующих на материке. Он все еще был расположен верить, окажись то разумным, что Господь Бог сотворил всех тварей такими, как их обнаружил Дарвин во время своего кругосветного путешествия. Но крупный мозг не мог не дивиться тому, зачем Создателю было в случае с Галапагосами наделять всевозможными функциями материковых пернатых, часто плохо приспособленных к тому островных птах. Что помешало Творцу, например, поселить там настоящего дятла? Если ему понравилась мысль добавить к этому нечто кровососущее, то почему, скажите на милость, он решил поручить таковую роль певчей птичке, а не летучей мышью-вампиру? Какой смысл в певчей птичке-вампире?

Ту же головоломную загадку обычно задавала своим ученикам Мэри, заключая ее словами:

– Ваши соображения, пожалуйста.

Ступив впервые на черный камень острова, на основание которого сел днищем «Bahia de Darwin», Мэри споткнулась и упала, так что ободрала костяшки на правой ладони. Падение было не слишком болезненным. Она бегло осмотрела ссадину. Из свежих царапин выступили капли крови.

И тут ей на палец бесстрашно слетела мелкая птиха. Она не удивилась, памятуя рассказы о местных птицах, садившихся людям на головы и руки, пивших у них из стакана и так далее. Решив сполна насладиться этой гостеприимной встречей, она постаралась не шевелить рукою и ласково обратилась к птичке:

– К какому же из тринадцати видов ты принадлежишь?

И, словно поняв, о чем ее спросили, та сейчас же продемонстрировала, к какому: высала красные капли, выступившие на ссадине.

Мэри огляделась вокруг, еще не предвидя, что на этом острове ей предстоит провести остаток жизни и тысячи раз служить источником пищи для пернатых вампиров. После чего обратилась к капитану, потерявшему в ее глазах всякое право на уважение:

– Так вы говорите, это остров Рабида?

– Да, – ответил тот. – Я совершенно в этом уверен.

– Как мне ни жаль разочаровывать вас после всего, что вам довелось пережить, но вы опять ошиблись, – процедила она. – Остров этот может быть только Санта-Росалией.

– Откуда у вас такая уверенность? – осведомился он.

– Вот эта маленькая птичка только что поведала мне, – последовал ответ.

25

На острове Манхэттен, в своем офисе, расположенном под крышей здания компании «Крайслер», Бобби Кинг потушил свет, простился с секретаршей и отправился домой. Больше в моем повествовании он не появится. Ничто из совершенного им с этого момента и вплоть до того как, много насыщенных трудами лет спустя, он ступил в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь, не оказало ни малейшего влияния на будущее человеческого рода.

В тот самый миг, когда Бобби Кинг достиг родного порога, *Зенджи Хирогуши в Гуаякиле выскочил из своего номера в отеле «Эльдорадо», обозленный на беременную жену. Та непростительным образом отозвалась о мотивах, которыми он руководствовался, создавая «Гокуби», а затем «Мандаракс». Он нажал кнопку лифта и застыл в ожидании, сжимая и разжимая кулаки и часто дыша.

И тут в коридоре появилось лицо, которое он меньше всего желал видеть, – источник всех его нынешних огорчений: *Эндрю Макинтош.

– Ага! Вот и вы! – произнес *Макинтош. – Я как раз собирался сообщить вам о неполадках с телефонной связью. Как только их устранят, у меня будет для вас весьма приятное известие.

*Зенджи, чьи гены живы и по сей день, был так выведен из себя женой, а теперь в придачу и *Макинтошем, что потерял дар речи. И потому отстучал свой ответ на клавишах «Мандаракса» по-японски, а компьютер высветил его слова по-английски на своем экранчике: «Я не желаю сейчас разговаривать. Я ужасно расстроен. Пожалуйста, оставьте меня в покое».

Как и Бобби Кингу, кстати, *Макинтошу не суждено было оказать в дальнейшем какого-либо влияния на будущее человечества. Если бы его дочь десятью годами позже, на Санта-

Росалии, согласилась подвергнуться искусственному осеменению, то могла получиться совершенно иная история. Думаю, можно смело утверждать, что ему бы очень хотелось быть причастным к экспериментам Мэри Хепберн со спермой капитана. Будь Селена чуть поотважней, все люди ныне вели бы свой род, подобно ее отцу, от твердых духом шотландских воителей, отразивших в незапамятные времена вторжение римских легионов. Какая упущенная возможность! Как прокомментировал бы это «Мандаракс»:

Из писанных или реченных слов
Печальней нет: «Так быть могло б!»

Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892)

– Чем я могу вам помочь? – вызвался *Макинтош. – Я сделаю все, чтобы помочь вам. Только скажите.

*Зенджи обнаружил, что не в силах даже помотать головой. Самое большее, что он оказался в состоянии сделать, – это закрыть глаза. Подошел лифт. Когда *Макинтош вошел туда вместе с ним, *Зенджи почувствовал, что верхняя часть его черепа сейчас взлетит на воздух.

– Послушайте, – убеждал его *Макинтош по дороге вниз, – я ваш друг. Вы можете смело открыть мне все. Если вас расстроил я, то можете послать меня к едрене фене – и я же первый вам посочувствую. Я тоже допускаю ошибки. Я человек.

Когда они очутились внизу, в вестибюле, могучий мозг *Зенджи подсказал ему непрактичную, почти детскую мысль: как-нибудь попытаться сбежать от *Макинтоша – словно он мог состязаться в беге с атлетически сложенным американцем.

Он кинулся прочь напрямиком через центральный вход отеля на оцепленный с двух сторон участок улицы Дьес де Агосто, неотступно сопровождаемый своим преследователем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.